

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОВЕСЕДНИК

Александр А.

Александр А. Собеседник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67913823

SelfPub; 2023

Аннотация

Выезжая на очередное место преступления, оперуполномоченный Семён не ждёт ничего нового. Вся его работа давно уже превратилась в рутину, ведь изо дня в день он пытается разобраться не только в мотивах преступников, но и со своими тараканами в голове. Вот и сейчас, казалось, обычный суицид мог закончиться скорым закрытием дела, если бы ни некоторые детали, понёсшие за собой череду событий, которые заставят вспомнить то, что давно пылится на задворках его памяти. Теперь, чтобы раскрыть преступление, следует в первую очередь найти ключ от двери, что он запер на несколько замков. А почему? Это и предстоит узнать на страницах этой книги... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	10
3	14
4	19
5	24
Часть вторая	28
1	28
2	32
3	35
4	38
5	41
6	46
Часть третья	48
1	48
2	52
3	57
4	62
5	65
6	68
Часть четвертая	73
1	73
2	78

3	82
4	85
5	88
6	91
Часть пятая	95
1	95
2	98
3	102
4	106
5	110
Часть шестая	113
1	113
2	118
3	121
4	127
5	133
Часть седьмая	135
1	135
2	143
3	148
4	152
5	155
Эпилог	159

Александр А. Собеседник

Часть первая

1

Мне всегда было интересно, почему для того, чтобы на тебя обратили внимание, с самого детства приходилось кричать. Только повысив голос, ты мог рассчитывать на то, чтобы тебя слышали, но не задавали вопрос, почему ты кричишь? Всех тут же интересует лишь одно – когда же ты, наконец, заткнешься! Сейчас всё изменилось. Меня слушают так внимательно, что мне не приходится повышать голос, всё теперь наоборот. Я говорю вполголоса, а эти глаза так пристально пытаются разглядеть моё лицо, вслушиваясь в каждое слово, следя за каждым движением моих губ. Наконец, всё разрешилось. Практически четверть жизни, хотя, может, и половину! Мы ведь не можем знать, когда нас достигнет наш конец! Может быть, завтра, а может, и через оставшиеся сорок, пятьдесят или более лет. Сейчас меня могут слышать, а я могу говорить и высказываться. Хотя собеседников у меня было уже достаточно, и мало кто из них мог дать мне вра-

зумительный ответ на поставленные вопросы, но, несмотря на это, они были отличными слушателями.

Она сидит на коленях на твердом бетонном полу. Ее руки связаны, в уголках рта чуть виднеются алые кровоподтёки, а на шею накинута петля. Ее никто не бил, не насилдовал. Я лишь веду с ней беседу.

– От.. от..отпустите...меня. Попрожалуйста!– прошептала она тихим голосом.

Совсем недавно эта особа кричала и визжала, употребив некоторое количество алкоголя и зажигая в одном из городских клубов.

Раньше казалось, что так тяжело с кем-либо начать диалог, просто поговорить, и так оно и было в обычной жизни. Но все менялось во время жизни ночной. Люди расслаблялись, им было так хорошо, что порой забывали об этом, и сквозь призму алкогольного опьянения могли разговаривать с кем угодно и как угодно. Так произошло и в этот раз.

– Я освобожу тебя вскоре. Но для начала мне хотелось бы побеседовать. Ты интересный слушатель, не задаешь лишних вопросов, не издаешь лишних ответов. Ты знаешь, как порой тяжело найти хорошего собеседника?

Девушка кивнула, ее тушь потекла, смешиваясь со слезами, по щекам, подбираясь к подбородку.

– Не стоит плакать. Этим делу не поможешь. Расскажи мне, пожалуйста, ты всегда такая распутная и общительная или только во время ночных выходов?

Она пожала плечами, ее тело немного вздрогнуло.

– Ты знакома с литературой? Любишь ли Достоевского?

Читаешь ли вообще?

– Раньше..

– А почему теперь отказалась от этой затеи? Что изменилось сейчас? Гаджеты? Я понимаю, что в мире высоких технологий нет места библиотечной тишине, теперь разумами людей правит всякого рода похабщина из сети, а не классическая литература или труды великих романистов и поэтов. Всё ушло в прошлое! А кто в этом виноват? Мы сами. Мы хороним всё! Труды великих, а также своих родных и близких раньше срока, а всё потому, что вместо любви, семьи и верности мы начали стремиться к самолюбию, а это и есть самоуничтожение. Вот скажи мне, в чем суть жизни? Как ты ее понимаешь?

Она шмыгнула, ее дыхание прервалось на несколько секунд, а после из ее рта вырвался стон.

– Ну-ну.

Я наклоняюсь к ней и, достав носовой платок, вытираю с ее лица слезы, смешанные со сгустками слизи, выходящими из носа.

– Не хочешь отвечать? – эти слова прозвучали шёпотом. – А может, ты не знаешь попросту ответа? И я понимаю тебя. Вы все кричите о том, насколько вы все классные, насколько умеете послать всех куда подальше, а об кого-то вытереть ноги. А что получаете в итоге? Вы опускаетесь настолько в

грязь, что свиньи чище!...

– Я всё пытаюсь найти собеседника, который сможет не только выслушать, но и ответить мне на мои вопросы. Так жаль каждый раз обжигаться на одном и том же. Нет, бесспорно, вы все хорошо меня слушаете, это читается в ваших глазах, но в конечном итоге заканчивается всё одним и тем же... Очень жаль.

– Ты, наверно, слышала о том, что в нашем городе бесследно пропадают люди, а затем их находят со следами суицида? – обернувшись, я обращаю внимание на неё.

Девушка смотрела прямо в глаза, понимая, что именно сегодня, а может, и чуть раньше совершила роковую ошибку, что повлекла за собой ситуацию, из которой, скорее всего, не было шансов выбраться.

– Видимо, нет. Конечно, нет, о чем я говорю. Ведь всем плевать друг на друга, а служителям госорганов тем более. Пропал человек, один, другой, и всем всё равно. Покончил с собой, тем более! Зачем предостерегать? Зачем стремиться к лучшему? А может, и наоборот? Может, предупреждают, а никто не слышит! Ведь все настолько сейчас озабочены собой, что и слушать никто никого не станет. Эх, ладно.

Я сажусь напротив нее в мягкое кресло. Сквозь преломленный свет та пыталась всё же понять, кто же перед ней сидит.

– Эх, жаль. Ты красивая девушка, отличница к тому же! Так обидно, что ты, как и большинство, не захотела общать-

ся со мной по-человечески. Я понимаю, что потянуло тебя ко мне иное желание, но неужели это так сложно? Я открываю пачку сигарет и прикуриваю. Через мгновение дым разносится по помещению, теряясь в воздухе.

Ее глаза задрожали, она попыталась облизнуть высохшую немного поврежденную нижнюю губу.

– Пппрошу, отпустите меня!

Я с серьезным лицом помотал головой и нажал на кнопку.

Девушка попыталась завизжать, но не успела. Ее горло что-то сжало с невероятной силой, а после ее тело потащило вверх, казалось, что голова вот-вот оторвётся. Она захрипела, вены на шее вздулись, щёки вспухли. Она попыталась дёрнуть ногами, но и это у нее не вышло... Через несколько секунд она успокоилась, ее голова повисла как раз в тот миг, когда лебедка достигла своего максимума.

Я докуриваю сигарету, затем, прислушиваясь, ухмыляюсь. После достаю книгу, что лежала у кресла. Открываю ее на одной из прочитанных ранее страниц и углубляюсь в чтение строк, что несли в себе всю суть человеческого бытия...

2

Я стою у парадной, не понимая, что я здесь делаю. Моросит осенний противный дождь. В одной руке у меня цветы, в другой упакованная в красивую обертку книга. Книга – это все-таки лучший подарок, а хорошая книга порой становится и отличным другом. Мы все ищем суть и очень часто находим ее. Кто-то в строках, пролистывая страницу за страницей, а кто-то упростил себе задачу и листает лишь страницы в открытом браузере своего смартфона, читая те или иные высказывания всех кого попало. Чему мы можем научиться в наше время? Чего мы хотим? И на эти вопросы ответит каждый по-своему. Мои конечности потихоньку продрогли. Сколько мне ещё стоять и мокнуть? Хотя что-то в этом есть. В этом и состоит прелесть этого города. Он целиком и полностью пропитан похотью! Впрочем, так всегда и было. Кто бы что ни отрицал, мы все стремимся высвободить свои чресла наружу, воспользоваться кем-то. И на эти считанные минуты мы потеряны. Мы испаряемся в небытие, мы исчезаем, погружаясь в прострацию, освобождая свои головы от всего негатива, что накопился у нас за какое-то время. Но это всего лишь миг. А что будет дальше? Всё то же самое – уныние, одиночество и в конечном итоге смерть. Мы все пленники, мы все сами сажаем себя в тюрьму, придумывая и навязывая себе правила. А что если всего этого нет? Что если всё го-

раздо проще, и для нормальной жизни, для счастья нам всего лишь нужно нечто простое? Просто чтобы нас слышали? Умение слушать, а не только говорить, вот что важно!

– Прости за опоздание!

– Ничего страшного! – я улыбаюсь в ответ.

– Это что, мне? – она не улыбается, и нет в ней ни капли растерянности. – Ты же знаешь, что это лишнее! – она открывает парадную, а я молчу в ответ. Это странно, казалось бы, она общается со мной, но у нее лишь одна задача. И она очень проста.

– Я ведь тебе говорила неоднократно. Принес деньги, взял что нужно и ушёл до следующего назначенного времени. Как у врача! – я не вижу ее лица, но уверен, что она улыбнулась.

– Даже платных врачей поздравляют в день рождения!

– Откуда ты узнал об этом? – она обернулась, когда подошла к двери и зазвенела ключами.

Я пожал плечами, после чего проследовал за ней.

Спустя двадцать минут я уже лежал на помятой постели, в которой до меня и были, и будут десятки таких же безнадежных людей, и курил. Выдыхая серый дым, я размышлял. У меня в запасе было ещё сорок минут, так как я оплатил час времени, чтобы расслабиться и разрядиться после тяжёлой ночи. Накопленное возбуждение принято снимать! Ведь жить в постоянном стрессе никак нельзя, нужно искать время и для расслабления.

Она вышла из душа и прилегла рядом. Ее зовут Лола, ко-

нечно, это всего лишь псевдоним. Напрямую я никогда не спрашивал, но, скорее всего, это что-то сокращённое от Лолита. По-видимому, она давно находилась в этом «бизнесе», так как выглядела уже не как девочка, и в постели чувствовался серьёзный опыт.

Она берет книгу, разворачивает подарочную упаковку.

– «Три причины стать счастливым в Петербурге». Хм. Интересно. Так, значит, ты выяснил мое полное имя?

Я вдохнул поглубже, теплый дым приятно прошёл через дыхательные пути? окутав лёгкие, после чего ответил на выдохе:

– Ты есть в картотеке. Мне было несложно это сделать. Ведь тебя забирали в отдел не один раз.

Лола перехватила мою сигарету и глубоко затянулась.

– Это-то да. Но я не думала, что тебе будет до этого дело, но признаюсь, мне было приятно получить поздравления! – она вновь улыбнулась.

Лола симпатичная девушка и вполне могла бы вести нормальный образ жизни. Хотя подождите, а что есть нормально? На мой взгляд, многие девушки, жены особо не отличаются от тех же проституток, только, так скажем, они работают более легально. Иногда я задаюсь вопросом, а что выгоднее? Заплатить раз или два в неделю девушке за то, что она исполнит все твои желания и прихоти, или же всё-таки связать себя с одной из них узами брака на всю жизнь и лишиться всего? Нет уж, увольте. Мир перевернулся с ног на

голову.

– Ты знаешь, у меня ведь есть среди клиентов и другие сотрудники. И хочу тебе сказать, что они скупы, не как ты. Отчего ты платишь мне даже больше, чем следует?

– Ответ очень прост! Я плачу за то, что за этот час наслаждаюсь не только утехами интимного характера, но и также тем, что я могу сказать тебе всё, что захочу, и тебе так или иначе придется меня выслушать! Да и к тому же наши виды деятельности особо не отличаются! – я рассмеялся, и она подхватила мой смех.

– Да! Ну тогда начинай! А я буду слушать.

В тот же миг она протянула руку к моей промежности и принялась двигать по нему рукой. Он среагировал, видимо, энергия, что накопилась за неделю, давала возможность продолжить то, что вскоре закончилось, не успев начаться. Лола сползла ниже, изогнувшись как кошка. Ее симпатичный зад был приподнят, возвышаясь над головой, пока ее губы, причмокивая, нежно обрабатывали моего «друга». Я закрыл глаза. Общение, видимо придется перенести на следующий раз, подумал я и практически утонул в экстазе, пока не услышал знакомую и назойливую вибрацию, идущую со стороны тумбочки...

Я снова в пути. Целеустремлен ли я? Вряд ли. Скорее всего это лишь от того, что жизнь мне поднадоела. За стеклом всё тот же морозящий дождь, а в трамвае, на котором я передвигался, всё те же люди. Они все словно надели маски недоброжелательности, каждый, стоило только поймать чей-то взгляд, выдавал такое выражение, будто хотел испепелить тебя. Как же так? Ведь ещё совсем недавно можно было смело улыбнуться симпатичной девушке, и она отвечала тебе взаимностью, а теперь? Теперь было лишь сплошное негодование о том, что же произошло с людьми? Где же счастливые лица? Где смех? Всё ушло. Мы все проваливается в глубокую яму, ущелье под названием чистилище. Я вновь еду туда, где кто-то совершил прегрешение в доказательство того, что жизнь и смерть ходят друг с другом, плечом к плечу.

Двери трамвая открылись. Дождь всё продолжал своё противное дело. Взглянув в телефон, я понял, в каком направлении двигаться. Вспоминая юность, я каждый день убеждался в том, как меняется мой город. Раньше, приехав в центр на выходных или в любой другой день, Невский проспект можно было перейти в любом месте из-за дефицита автомобилей, сейчас же ты можешь это сделать лишь из-за их переизбытка, проскальзывая между бамперами. Что произошло с моим когда-то любимым городом, осталось загад-

кой.

Вот я и подхожу к нужному месту. Из полицейских автомобилей лишь ППС-ный УАЗик. А хотя нет. Участковый, по-видимому, приехал на своем личном авто.

– Привет, Валентин, – поздоровался я с угрюмым участковым, что стоял у входа в один из подвалов и судорожно курил.

– Здравия желаю! – ответил он, и я заметил его красные глаза.

– Что там?

– Суицид. Девушка. Совсем молоденькая.

– Хорошо, посмотрим.

Постовые отдали мне честь и, зайдя внутрь, я почувствовал запах сырости и плесени. В помещении уже работали судмедэксперты. Девушка всё ещё висела на петле. В тусклом свете было тяжело разобрать ее возраст, тем более что ее лицо было скрыто длинными светлыми волосами. Здесь явно кто-то потрудился, обстановка для подвала была даже приятной, если откинуть запах и торчащие повсюду трубы. Напротив висящей девушки стояло мягкое кресло, у одной из стенок находился журнальный столик с книгами и керосиновой лампой. В целом обстановка говорила о том, что здесь явно кто-то проводил время, причем очень часто.

Я подошёл к одному из криминалистов.

– Ну, рассказывайте.

– На первый взгляд, это простой суицид.

– Ага, но явно меня бы не вызвали.

– То-то и оно, – ответил мужчина, имя которого я все никак не мог запомнить. То ли Паша, то ли Саша. А хрен с ним.

Мы подошли ближе к жертве, и он включил фонарик.

– Обратите внимание на запястья. Видите эти кровоподтёки?

Я кивнул.

– Они явно говорят о том, что ее руки были связаны. А теперь гляньте вот сюда, – он направил луч от фонарика ей на лицо, приподняв волосы.

Девушка и вправду была молоденькой. Я обрадовался, что интимная связь была до этого прецедента. Иначе желание проснулось бы не раньше, чем через пару дней.

– Кровоподтеки в уголках губ?

– Да, с небольшими повреждениями тканей. То есть ее рот был перевязан чем-то тонким, и это навряд ли скотч, скорее, веревка или же проволока.

Я промолчал. Когда же всё это прекратится? Когда же можно будет провести хоть один день в спокойствии без всякого рода убийств и прочего?

– Ну, что здесь? – произнес Валентин из-за спины.

Я повернулся к нему и, посмотрев в раздраженные глаза, почувствовал запах сигарет, смешанный с алкоголем.

– Ваня, ты что, пил?

– Семен, ну ты ж понимаешь! Что с ней? Суицид?

Я помотал головой.

– Скорее всего, ей помогли.

– Твою ж мать! Только мне этого не хватало на моем участке. А может, всё-таки суицид? – более настойчиво спросил Валентин.

Я понял, на что он намекает, но оставил его вопрос без ответа.

– Ну что? Можем забирать?

– Вы сняли пальчики?

– Да, всё сделали. Теперь нужно более детально осмотреть тело и выяснить, были ли насильственные действия.

– Хорошо. Сообщите, когда отчёт будет готов.

Я решил осмотреться. Сел в кресло. «Отличный вид», – подумал я, так как жертва была прямо перед моим взором. Мне стало интересно. Сидел ли кто-нибудь напротив? Наблюдал ли за ней? А если и да, то что он испытывал? Возможно, возбуждение? Вопросы были, но хотел ли я отвечать на них? Это другой вопрос. Я вновь осмотрелся: книги, что лежали неподалеку, были мне знакомы. Классика, будто кто-то перенес свою домашнюю библиотеку сюда, для того чтобы наслаждаться каждый вечер под «приятное» капание воды с труб.

Выйдя на улицу, я вновь попал под дождь. Опавшая листва, что лежала под ногами, начала чернеть. Общая картинка с учётом увиденного ранее заставила желудок приподнять всё то, что я успел съесть, пока добирался сюда, к горлу. Я закурил.

Через несколько десятков минут тело девушки погрузили в труповозку.

– Я тогда в отдел, – произнес Валя. – И я всё-таки рассчитываю на то, что это будет суицид.

Я взглянул на него, выдохнув дым от очередной сигареты.

– Опроси тех, кто может знать о том, кто здесь обитает. Узнай у ЖКХ, у кого должны были быть ключи от этого подвала. Там явно кто-то бывает. Девушку, скорее всего, убили, так как явно инсценировка. Я тоже в отдел, нужно установить личность и уведомить ее родственников, если они уже не ищут её. И кто сообщил о находке?

– Аноним. Ладно, я поехал. Тебя подвезти?

– Нет.

– Тогда встретимся в отделе.

– Да и пробейте номер, кто и откуда звонил! До встречи...

Прекратившийся дождь плавно перешёл в плотный туман. Мне всегда было интересно. В Петербурге большинство дней идёт дождь. Куда же девается вся эта вода? По идее, город давным-давно уже должен был погрузиться под воду, но складывается впечатление, что он находится словно на плавающем острове, разделенный от основного материка. Да.. даже убийства здесь имеют некий смысл. Конечно, я не говорю о том, что здесь нет и простых ответов на вопрос о чьей-то гибели. Но всё же чаще преступления подобны неким загадочным тайнам. Я сменил трамвай на троллейбус, ощущения были теми же. Все те же лица, всё та же угрюмость. Но, как ни крути, менять общественный транспорт на личный автожелания не было. Находясь рядом с людьми, он мог изучить повадки и поведение лучше, чем на каких-либо курсах повышения квалификации, а это следователю было нужно как никому другому.

Покинув тёплый троллейбус, я вновь ощутил прохладный влажный воздух. В следующую секунду пришла мысль достать сигарету, но неожиданно я передумал. Слишком часто я это делаю, ну а как ещё бороться со всеми невзгодами, что происходят у меня периодически? Задав себе этот вопрос, я тут же сунул руку в карман и, выхватив из пачки одну из «раковых палочек» губами, я прикурил. Ох уж это приятное

тепло! В таких погодных условиях это единственное спасение и радость. По крайней мере лично для меня.

Снова это здание. Отчёт судмедэкспертов был готов достаточно быстро и совпал с временем опознания девушки родителями. Ее личность до конца ещё не была установлена, единственный момент, за который пришлось ухватиться – звонок от одной из женщин, что заявила о пропаже ее дочери с похожим описанием.

От этого было горько. Вся надежда была на то, что хотя бы судмедэксперты расскажут, о том, что ее тело не было подвержено насильственным действиям.

Вот она, эта огромная трёхметровая деревянная дверь. Сколько трупов было в этом здании? Сколько невинно погибших? И сколько их ещё будет здесь? Никому было не известно.

Через пару минут Саша или Паша пригласил меня пройти в холодное и мрачное помещение. На одном из столов я приметил знакомые черты. Сейчас у меня будто возникло deja vu, но я свалил это всё на усталость.

– Обратите внимание, Семён, на след на шее.

– Ага.

– Так вот по размерам и параметрам он не подходит под ту веревку, из которой мы её вытащили. Этот след по характеру воздействия больше походит под металлический трос. Такие используют в различных целях, связанных со строительством судов, автомобилей и прочей техники, а так же в

производстве лебедек.

Я призадумался.

– С ее ртом и руками все понятно, а вот чего мы не заметили на месте преступления...

Вот они, ключевые слова.

– Так это гематомы в районе коленных чашечек. Скорее всего, перед смертью она сидела на коленях.

– Интересно. Не томите. Мне важно другое сейчас.

– Да, следов изнасилования нет, но в крови мы кое-что обнаружили. Конечно, не обошлось без алкоголя, но мы нашли ещё кое-что. Ее опоили, мы пока не выяснили, какой препарат использовался, но она явно не соображала, куда идёт и с кем. Такими вещами обычно пользуются опытные насильники, но здесь что-то другое. Ее явно откуда-то увели, а когда она пришла в себя, то было уже поздно.

– Понятно. Сейчас должны прийти на опознание, если это ее родители, то у нас появится шанс узнать, где и с кем она проводила последние часы своей жизни.

Я вновь взялся за сигарету. Предварительно я подумал, стоит ли? Конечно, стоит. Немного клонит в сон, хотя это и нормально. Выспаться в этом городе не представляется возможным. Что же произошло с этой девочкой? Кому она насолила? А хотя нужно вернуться на место преступления. И да, нужно связаться с криминалистами и узнать по поводу следов. Следов от семяизвержения. Кто знает этих мастурбирующих уродов. Ведь у каждого свои предпочтения.

Вот и они. Я с уверенностью могу сказать, что это именно они. Отец держится, по крайней мере, он плотно стоит на ногах, а мать... Если бы не ее муж, что крепко держал ее под руку, то, скорее всего, она упала бы на месте. Это точно они. Я вижу сходство. Да и кто, кроме родной матери, в душе уже будет понимать, несмотря на все внутренние отговорки, что эта трагедия произошла именно с их ребенком. Пуповина. Обрезав ее хирургическими ножницами, от нее не избавляются. Эта связь, что питает дитя ещё в утробе матери, так и остаётся с нами до конца наших дней, как бы мы это ни отрицали.

– Здравствуйте! – произношу я, выдохнув дым и пытаюсь найти урну беглым взглядом, чтобы избавиться от хабарика. – Капитан юстиции Леонов.

– Ддобрый ддень, – попыталась произнести мать. – Это я вам звонила.

– Почему капитан юстиции сам занимается розыскными мероприятиями? Вы разве не должны сидеть в участке и собирать доказательства именно у себя в кабинете?

Я удивлен. Лицо мужчины явно мне знакомо, он непросто, скорее всего, юридически подкован. Ещё одна небольшая проблема. Ну ладно, хрен с ним.

– Во-первых, сегодня выходной день. Во-вторых, на этот случай пока ещё не заведено уголовное дело. Поэтому именно я здесь, а не оперуполномоченный. И это процедура опознания, вы ещё рано делаете выводы.

– Хорошо, – фыркнул мужчина, – ведите нас!

Женщине с каждым вдохом становилось все хуже, ее лицо побледнело, а руки тряслись ещё больше. Это было очень заметно в тот миг, когда она подписывала журнал посещения этого заведения.

Я ожидал самого худшего, и так оно и произошло. Мать издала истошный вопль, а после ее ноги подкосились. Ее муж оказался рядом и вовремя подхватил обмякшее тело. Один из судмедэкспертов тут же поднес ватку, пропитанную нашатырем, к носу женщины и та, дёрнувшись, открыла глаза. Я лично понимаю, что в таких ситуациях не поможет ни одно слово, поэтому лучше молчать или говорить только по делу....

Я думаю, что, скорее всего, каждый человек задумывался не только о смысле жизни, но и о том, что ждёт нас после. Я знаю ответ на это. Ничего. Наш разум угасает, нас поглощает тьма, а после уже не важно, что будет. Либо наши тела превращаются в прах, либо подвергаются гниению, предоставив червям доделать остальное. Я видел столько смертей, что и не счесть. Тяжело в таких ситуациях не потерять веру в Бога, я потерял. Если он и есть, то почему же допускает убийства или же простые смерти по неосторожности? Почему не убеждает отчаявшихся продолжать жить взамен петли или горстью таблеток? Много вопросов, а ответ один. Лишь мы сами можем продлить свои жизни как можно на более долгий срок, достаточно лишь быть более здравомыслящим человеком. Да о чем же я думаю? Мир изменился, хотя, может, и был таким всегда? Все люди разные, но все мы так или иначе способны причинять боль.

Вновь выйдя из троллейбуса, я возвращаюсь туда, где, в принципе, не должен был сегодня быть. День подходит к концу, личность девушки установлена, для снятия показаний от родителей завтра будет отправлен оперуполномоченный. Как бы это ни звучало, то для нашего спокойствия лучше бы эта девушка решила самостоятельно поставить точку на своей жизни, но улики говорили об обратном. Ей однозначно

помогли, а кто это сделал, предстояло выяснить.

Проходя пешком к месту преступления, я вдыхаю тяжёлый влажный воздух. Дождь прекратился. Интересно, надолго ли? Хотя это было не важно. Я иногда задумываюсь, а смог бы я начать жизнь в других погодных условиях? Возможно, да, но мне почему-то кажется, что я не способен уже жить иначе.

Вот и он, этот злополучный подвал. Один из полицейских до сих пор сидит в автомобиле дежурной части. Меня он не замечает, и мне ничего не остаётся, кроме как постучать в окно.

Стук отвлек полицейского от смартфона. Он, дернувшись, резко повернулся и открыл окно.

– Здравия желаю!

– Да, да. Как обстановка?

– Да всё тихо вроде. После того как здесь закончили криминалисты, никто больше не появлялся.

– Понятно. Я зайду в подвал, так что ленту поврежу немного.

– Хорошо. Моя помощь нужна?

– Нет, я так, осмотрюсь.

Я разворачиваюсь и иду напрямиком в преисподнюю. Иначе я не могу это назвать, так как такое мнение сложилось у меня, когда впервые я там появился.

Снова этот запах сырости и плесени. Так же добавилось ещё кое-что, скорее всего, аромат смерти. Свет отключен.

Я достаю из кармана фонарик и включаю его. Да, профессиональная привычка всегда иметь его под рукой. Конечно, большинство пользуются телефонным фонариком, но как по мне, он не слишком удобен.

В крошечной тишине я слышу падающие капли. Интересно, тот, кто читал здесь книги, мог ли сосредоточиться? Или же это всё было разложено так, для обстановки.

Перед тем как снова сесть в троллейбус, я связался с криминалистами. Всё было чисто: ни крови, ни следов чьего-либо ДНК. Очень странно.

Я осветил лучом фонаря стену, пытаюсь найти выключатель. На поиски ушло около двух минут. Дернув за небольшой торчащий рубильник, на мой взгляд, произведенный ещё в послевоенные годы, увидел, что лампочка не загорелась. Интересно. Продолжив свой путь, я освещал фонарем бетонный пол. Добравшись до кресла, осмотрев его, я вновь осветил место, где до этого безмолвно висела жертва. На мгновение возник её образ, и по моему телу пробежали мурашки. После я перевел луч фонаря на журнальный столик, обнаружил кое-что интересное. Книг на месте нет. Наверное, забрали криминалисты. Далее я осветил фонарём всё вокруг, после чего вспомнил о рубильнике и направил луч на лампочку. Висит на месте. Я пригляделся, все тонкие волоски за стеклом так же на своих местах. Я протянул руку и прокрутил её по резьбе. Вуаля! Свет зажёгся. С непривычки я ненадолго потерял зрение, всего лишь на пару секунд.

Но, как оказалось, этого хватило, чтобы не заметить, как передо мной появился чей-то темный силуэт. Я опешил, но не смог среагировать, так как что-то тяжёлое пришлось точно по моей голове. Сильную боль я не почувствовал, так, просто глухой хлопок. Видимо, мой организм помог мне с этим справиться, отправив в глубочайший нокдаун.

Часть вторая

1

Сколько времени мне потребуется, чтобы исполнить свою давнюю мечту? Ещё месяц? Год или два? А, может, она не сбудется никогда. Как смириться и принять это? Мне всего лишь нужно найти его, того, кто сможет выслушать меня. Того, кто захочет поговорить искренне и непредвзято. Возможно ли это в наше время? Столько вопросов без ответа и хотя бы намёка на возможность испытать то, что гложет меня с самого детства. В моей голове то и дело звучат голоса моих родителей. Они что-то бурно обсуждают. Я подхожу к ним с вопросом, я не помню дословно, с каким, но меня не слышат! Я замыкаюсь в себе, даю сам себе обет молчания. Я не задаю больше вопросов, а на поставленные не отвечаю. И что теперь? А теперь я устал, жизнь проходит, и молчать вечно не получается. Конечно, можно было бы сбежать куда подальше, но от проблем не убежишь. Они так или иначе догонят тебя и не дадут уснуть больше никогда. Я лишён сна, а причина этому – накопленная тяжесть от дефицита общения. Мне нужен собеседник по душе. Хотя бы раз, хотя бы на мгновение, и тогда я даю слово, что смогу уйти, а вместе со мной уйдет и боль остальных. Хотя я не знаю, способен

ли чувствовать кто-либо боль. Вряд ли. Мир потихоньку рушится, человечность теряется. От любви к самим себе люди потеряли душу, и я или кто-то из мне подобных вряд ли способен что-то изменить... А хотя... Если всё раскроется и выйдет в свет, то эта история способна будет излечить общество или хотя бы часть. Надежда... Она и вправду умирает последней, даже после того как не станет меня...

– Ты знаешь, что такое апокалипсис? – прозвучал мой голос, образовав эхо.

Молодой человек, что стоял передо мной на коленях, очнулся. На одной из штанин я вижу растекшееся мокрое пятно. Странно, в клубе он казался более смелым и brutальным.

– Где, где я? – шепчет он.

Я ухмыляюсь.

– В преисподней! Но у тебя есть все шансы возвыситься и попасть в рай!

– Ты, ты кто, твою мать?

– Тише, тише... Оглядишься.

Он оглядывается, его нижняя губа трясётся.

– Это что, подвал?

– Возможно. Так ответь на вопрос. Что же такое апокалипсис?

Молодой человек попытался встать на ноги. У него ничего не вышло. Ведь он находился в таком положении несколько часов, поэтому его ноги ниже колен онемели, руки были связаны, а шею окутывало нечто холодное.

– Что происходит? Отпустите меня... Что я вам сделал?

– Видишь ли, ты ничем не отличаешься от остальных. Тебя не интересует внутренний мир твоего собеседника. Тобой лишь управляет похоть и безрассудство. Не знаю, проблема в тебе самом или же в твоих родителях, что не научили уму-разуму. Всё это печально. Общество гниёт, и вместе с ним и сама суть человеческого бытия! Это ли не есть апокалипсис? Как ты считаешь?

Он начинает биться в истерике, его голос повышается.

– Что я вам сделал? Освободите меня немедленно!

– Вот когда ты брал в руки классическую литературу в последний раз?

– Вы в своём уме? Что вы задумали? – Он начинает плакать, словно провинившееся дитя.

– Мне нужно просто общение, нормальное, человеческое общение!

– Так обратитесь в дурку! Вашу мать!

Эх, это неверный ответ. Снова провал, но меня радует лишь одно. Ещё одна душа освободится от оков сатаны, что уже вот-вот целиком и полностью поработит этот мир... Я нажимаю на кнопку. Лебедка приходит в движение, и его тело мгновенно начинает ползти вверх, к одной из труб, что несёт в себе тысячи отходов в виде говна, что люди оставляют после себя этой земле. Он трясет ногами, упирается, не хочет расставаться с этой жизнью. Лебедка всё затягивает и затягивает, пока не происходит хруст. Его шейные позвонки

не выдержали напряжения и под тяжестью туловища треснули. Вот и всё. Ещё одна душа освободилась от оков, ещё одна. Теперь есть время почитать. Я протягиваю руку, достаю книгу и читаю вслух...

2

Я все-таки остался жив. Хотя в какой-то миг я обрадовался забвению. Момент падения к бетонному полу был самым приятным за последнее время. Мне показалось, что я лечу словно в замедленном действии и вот-вот упаду в мягкую постель или воду. Ни того, ни другого не произошло. Лишь тяжёлый удар всей массой тела произвел эффект вылета моей души наружу. Конечно, я шучу, и моя душа не покидала мое тело, просто на тот момент мне так показалось. Сильное сотрясение с кратковременной потерей памяти. Таким оказался мой диагноз, что повлек за собой принудительное нахождение в одной из клиник этого города. Честное слово, пребывая там, я наконец-то попал в рай. Конечно, не пятизвёздочный отель, но всё же мне удалось хорошенько поразмыслить и, так скажем, отдохнуть. О работе я практически не думал, последнее дело отдали другому специалисту, а меня отправили на заслуженный больничный. Я много размышлял, нет, не о той встрече в подвале и не о погибшей девушке, а наоборот. Ко мне в мое сознание приходили мысли о том, что, может, произошедшее – это сигнал о том, что пора остановиться и передохнуть? Возможно, так оно и было. И, кстати, я отдохнул на славу. Мне удалось настолько расслабиться, что на миг я окунулся в мысли о том, что мы, мужчины, не взрослеем. На мой взгляд, мы все лишь играем ро-

ли повзрослевших, мудрых, наученных жизнью людишек, но глубоко в душе всё те же безнадёжные мальчишки. И, кстати, мне даже удалось заинтересовать одну из медсестёр до такой степени, что в процедурном кабинете нам пришлось ненадолго закрыться на замок. Но всему приходит рано или поздно конец

На тумбочке завибрировал телефон. Будильник? Нет, я его не ставил. Я с трудом вырвался из сна, где мы всё ещё с той пышнобедрой медсестрой по очереди передаём процедурную эстафету друг другу.

Наконец, я наощупь нахожу его и открываю глаза. Знакомый номер, что обещал не беспокоить меня ещё три недели.

– У аппарата.

– Отдыхаешь?

– А ты как думаешь?

– Как твоя голова? Заживает?

– Была хорошо, пока ты не позвонил. Чего тебе?

Юра, мой коллега по цеху, сделал затяжную паузу, прежде чем продолжить.

– У нас очередной суицид.

– Продолжай.

– Схожая картинка, только жмур – мужчина от двадцати до двадцати пяти лет.

– Далеко?

– В нескольких кварталах от предыдущего места.

– Так для чего ты мне это рассказываешь? Я ведь на боль-

ничном.

– Тело уже увезли на экспертизу, и криминалисты закончили свою работу. В общем, всё очень странно, Семён.

Что-то подсказывало мне, что не к добру всё это. Я продолжил внимательно молча слушать.

– В общем, здесь очень много вопросов, так же как и с предыдущим местом преступления. Тебе лучше подъехать в отдел.

Я поднялся с кровати и подошёл к окну. Патрульного автомобиля не было.

– Так вы взрослые мальчики, сами разберётесь.

Я услышал, как Юра тяжело выдохнул.

– Боюсь, что нам будет нужна твоя помощь.

– Неужто! Ну тогда подъеду. Никакого от вас продыху.

– Хорошо, ждём.

Я нажал на отбой и сел на край кровати. Голова немного побаливала в том месте, где были наложены шесть швов. Видимо, у нас и вправду появился серийник. А я был практически рядом с ним и упустил его. Нет, по правде говоря, лучше было бы сдохнуть в тот день! Хотя! Думаю, что скоро кто-нибудь поправит это дело, и я упокоюсь с миром...

3

Я вновь чувствую этот промозглый влажный воздух. Долго находиться дома невозможно, невыносимо. Не то, что меня прямо так и тянет на работу, но всё-таки это лучше, нежели валяться без какого-либо дела. Вновь заморосил дождь. Я стою на остановке, она заполнена людьми. Каждый думает о чем-то своём. Люди практически не улыбаются, за исключением тех, кто смотрит в экраны своих телефонов. Сейчас большинство избегают живого общения, да и зачем? Ведь куда проще прятаться за призмой голубого экрана, чем взглянуть в чьи-то глаза и рассказать правду о себе. Люди заврались. Все пытаются приукрасить свою жизнь, показать то, чего нет. Люди разучились быть самими собой при остальных, но в глубине души они это понимают. Понимают, что таким способом их жизнь превращается в подобие адского плена, что изо дня в день испепеляет их душу. Автобус подъехал. Я смотрю на своё отражение в его стеклянных дверях. Кто я? Кем я становлюсь? В кого превращаюсь?

Люди ринулись к дверям, даже не обращая друг на друга никакого внимания. Мы научились каким-то образом передвигаться, не смотря под ноги, всё наше внимание приковано всё к тем же экранам смартфонов. Иногда хочется крикнуть во всю мощь: «Люди! Что происходит? Оглянитесь! И вы увидите тех, кто рядом с вами!»

В автобусе не сильно плотно. Я оглядываю пассажиров. Студенты, пенсионеры и простые рядовые сотрудники куда-то направляются. У всех есть какие-то дела. У кого-то серьёзные, а у кого-то от нечего делать появляются какие-то затеи.

Я останавливаю свой взор на мужчине. На вид он практически ничем не отличается от среднестатистического работника, но что-то с ним не так. Его взгляд очень ясный, и он так же, как и я, осматривает всех пассажиров. Его лицо мне знакомо, я отвожу взгляд, чтобы не встретиться с его серо-голубыми глазами.

Я знаю его и, возможно, очень хорошо! Его голова перемотана бинтом. Я вижу это, хотя он находится в шапке. Бинт немного вылез из-под нее и висит над ухом.

Интересно, куда он едет. Я боковым зрением, стараясь не акцентировать внимания, слежу за ним. Он явно изучает всех вокруг в силу своей профессии. Иначе его бы не было там, в тот вечер. Видимо, силы удара не хватило, чтобы лишить его жизни, да этого и не хотелось. Мне всего лишь на всего нужно было забрать свои вещи, а точнее, книги. Без них моя жизнь не представлялась бы возможной. А он явно оказался там не в нужный момент. Что же, а это интересно. На моем лице разрастается улыбка. Она не кровожадная, напротив, эта улыбка связана с раскрывающейся перспективой. В мою судьбу будто бы вмешались высшие силы или же провидение! Возможно, я на пороге новых возможностей.

Посмотрим.

Вот автобус останавливается на очередной остановке, и я поворачиваю голову в его сторону как раз в тот момент, как он собрался выйти. Мне знакомо это место, ещё бы, вся территория вокруг этого участка в моей власти, а именно здесь я совершаю правосудие по отношению к тем, кто связался с самим сатаной.

Да, он идёт именно туда, к полицейскому участку. Интересно, какое звание он имеет? Стоит приглядеться, тем более после того, как мы сроднились с ним в том самом подвале. В тот вечер мне удалось кое-что заметить в нём. Он не так-то и прост, скорее всего, пришёл за книгами, так как сконцентрировал внимание именно на том месте, где они лежали. Скорее всего, он любит читать, и, возможно, одинок, так же, как и я...

Добираясь до участка на автобусе, меня немного стошнило. Нет, причина не в том, что мне вновь придется столкнуться с очередным трупом. Скорее, ответ кроется в голове, врачами мне был назначен покой, так как последствием черепно-мозговой травмы могли быть возможны мигрени и головокружения. Конечно, это не повлияло на мою интимную связь с медсестрой, напротив, лёгкое головокружение добавило ко всему эффект парения. Да, тогда было неплохо, а сейчас, пока я нахожусь среди толпы, я мечтаю лишь об одном – чтобы меня не вырвало на кого-нибудь всем тем, что я употребил на завтрак.

Я оглядываюсь, в глазах мутно, и я не вижу лиц окружающих. Все они погружены в свои собственные мысли, впрочем, как и я. Кто был в том подвале? Зачем пришёл забрать книги? Возможно, в них и кроется ответ на то, кто перед нами. Почему выбор жертв падает не только на девушек, но и на молодых мужчин? Возрастная категория у них примерно одинаковая, и теперь предстояло узнать, есть ли между жертвами какая-либо связь. А, может, в нашем городе и вообще появилась группа суицидников, что по предварительному сговору помогают друг другу уйти в мир иной? Маловероятно, но стоит проверить всё.

А вот и моя остановка. Я выхожу на холодный промозг-

лый воздух. Пытаюсь вздохнуть поглубже и понимаю, что зря. Чистым его нельзя было назвать, одновременно с выхлопными газами в мои лёгкие так же попадает «аромат» из ближайшего канализационного люка. Меня начинает мутить ещё сильнее, и я ускоряюсь до ближайшей подворотни и извергаю завтрак.

Становится легче. Мучения, которые сопровождали меня на протяжении всей поездки, сходят на нет. Глаза становятся яснее, и я продолжаю свой путь к участку. Лучше бы я остался дома.

– Так, Леонов! – я обернулся на голос. Передо мной стоял подполковник Селиванов.

– Да, Леонид Вячеславович!

– Ты какого хрена здесь делаешь?

– Степанов попросил помочь, сегодня снова труп нашли, схожий с предыдущим моим делом.

– Да, да, да! Я в курсе. Но ты на больничном! И чтобы духу твоего здесь больше не было! Все консультации только по телефону! Мне не нужен сотрудник, который по своей дурацкой воле бросит кони прямо здесь! Так что прошу без справки от врача о твоём полном выздоровлении не являться! Это понятно!?

– Так точно! – я соглашаюсь с ним и отдаю честь. Он понимает, что я сделал это с сарказмом и, мотая головой, устраняется.

Я иду дальше по коридору, со мной то и дело здороваются

знакомые и незнакомые лица. Вот я достигаю кабинета Юры и стучу.

– Войдите!

Я открываю дверь.

– О, спасибо тебе, Семён. Прости, что выдернул. Как ты себя чувствуешь?

Он протягивает мне руку, и я крепко сжимаю её.

– Бывало и лучше!

– Отлично. Тогда присаживайся, я ознакомлю тебя с тем, что нам удалось выяснить...

Ад или рай? На этот вопрос практически каждый ответит: «Конечно же, рай!» Никто не думает о том, что наша жизнь одна, и то, как мы ее проживём, и есть ответ на этот вопрос. Днём мы все сдерживаемся, на нас надеты маски, а с наступлением сумерек мы открываем свои истинные лица.

Я вышел из участка и вдыхаю глубже. Меня вновь мутит, и вряд ли это происходит из-за сотрясения. В этот раз воздух показался мне чистым, я насытился этим глотком. Я чувствую, как меня отпускает, но мои губы не растягиваются в довольной улыбке. Полазив в кармане, я нащупал пачку сигарет.

Я стою в подворотне и смотрю на улицу, толпы людей куда-то вновь спешат. Они бегут словно сломя голову, хотя, казалось бы, рабочий день подходит к концу. Подняв голову к небу, я вижу лишь темноту. Интересно, а когда в последний раз я видел звёзды? А возможно ли их вообще увидеть в Петербурге? Эта мысль заставляет меня улыбнуться. Ведь у меня случился небольшой отпуск, нужно всё отпустить и насладиться безмятежными буднями, не думая ни о чём! Получится ли у меня сделать это после полученной информации о той девушке, что совсем недавно была найдена повешенной в нашем районе. Смогу ли я не думать о паренёчке, что так же погиб, при тех же странных обстоятельствах?

На увиденных фотографиях, сделанных криминалистами, было понятно, что у последнего из погибших глазные яблоки вылезли из орбит. Видимо, перед тем как его шея не выдержала напряжение и сломалась, он начал задыхаться, и глаза просто вывалились наружу.

Я убираю эти мысли, тушу хабарик и выдвигаюсь в сторону автобусной остановки. В этот вечер, как ни странно, сухо. По-видимому, вскоре нас всех накроет зима, так как это ощущается по ледяному воздуху. Мне это нравится. Подходя к остановке, я понимаю, что сегодня я не хочу ждать автобус или же трамвай. Я хочу прогуляться, ведь мне некуда торопиться. Я отстранён от дел и по совершенно справедливым причинам.

Засунув руки в верхние карманы своей куртки, я делаю первый шаг в сторону набережной. Когда в последний раз я гулял по городу? Мне и не вспомнить. Да это уже было и неважно. Нужно смотреть вперед, жить будущим, а не прошлым! Но у меня и это не выйдет, ведь моя работа заключается в том, чтобы я воспроизвёл прошлое и выяснил в точности до всех значимых моментов, что же произошло.

Та девушка, Олеся. По всем показаниям, вела вполне обычный образ жизни. Только недавно закончив университет, устроилась на «настоящую» работу по специальности. По отзывам практически всех знакомых и родственников была умницей и красавицей, только лишь иногда посещая ночные клубы, а также различные развлекательные меропри-

ятия. В социальных сетях так же вполне всё было пристойно. В общем, даже и не подкопаешься. Последний раз, когда её видели в клубе, она сказала о том, что ей уже пора домой. Про то, с кем и куда она собиралась пойти, не было сказано ни слова. Камеры смогли засечь её только до той поры, как она выходит из клуба и направляется в сторону метро. Дальше ни свидетелей, видевших что-либо, ни попадания в поле зрения какой-либо камеры не произошло. Она просто исчезла.

Возможно, я просто гоняюсь за призраками, может, то, какие выводы сделали судмедэксперты по поводу нанесенных травм, лишь догадки, и она покончила с собой? Нет, ее тело рассказало о том, что кто-то всё это организовал, и никак иначе!

Я встаю у каменного забора, что отделяет меня от темных холодных вод Невы. Смотрю на противоположную набережную. Ко мне приходит мысль, что город перенасыщен людьми, и что для общества и родственников мы одни, а в душе совершенно не те, кем остальные нас считают. Нет, у этой девушки были свои тайны, это однозначно и бесспорно. Просто нашему отделу проще списать это всё на суицид, закрыть это дело и получить квартальную премию за ещё одно раскрытое дело. Но на сцене появился новый игрок! И это меняет всё.

Нет, всё, я отдыхаю. Ни сегодня, ни завтра, ни на следующие три недели или месяц я не думаю о работе! Нуж-

но отвлекаться. Кому позвонить? Может, Лоле? Нет, совсем недавно был у неё, но одно другому не мешает. А, может, той медсестре? Но я даже и не взял ее номер. Хотя не составит проблем его достать. Но всё это точно не сегодня.

Сейчас мне хорошо и так. Я стою и люблюсь этим городом. Он красив, но я знаю все его тайны и секреты.

Я слышу чьи-то голоса. Они о чем-то мило беседуют, и женский голос смеётся. Не спеша я оборачиваюсь и вижу пару, что идёт по этой прохладе, по этой каменной набережной, держась за руки. Им хорошо, на их лицах я вижу счастье, и создаётся ощущение, что им совершенно не холодно.

Возможно, в какой-то параллельной реальности на их месте мог бы быть и я. Идти так же под руку с любимой женщиной. Возможно, сейчас наши с ней уже повзрослевшие дети были самостоятельными и давали нам возможность именно так гулять, наслаждаясь теплом и уютом. Да, именно уютом, ведь как ещё назвать то, когда обоим людям хорошо не только в постели. Именно уютом.

Я ненадолго куда-то провалился. Скорее, это были воспоминания. Ведь мне казалось, что это было возможным, когда я только начинал карьеру в тогда ещё милиции. У меня ведь были отношения и чувства, но рабочие тягости пересилили домашние хлопоты и заботу о близком человеке. Я отпустил её и вскоре оказался счастлив от этого. Не потому, что не любил, нет, совсем наоборот. Она нашла свое счастье с простым рядовым сотрудником одной из газовых компаний. Я

счастлив от того, что я освободил ее от тех тягостей, что раз за разом сваливались на мою голову. Ведь мне очень часто приходится уходить от реальности, погружаться в мысли, находя там ответы на поставленные вопросы. Да и какое будущее нас ждало, тем более после того, как я начал погружаться во всю темную суть наших жизней и тем более жизней детей, что теряли родители.

Нет, лучше я буду один. Это моё бремя, моя обитель. Расследовать убийства, находя тех, кто заслуживает самого сурового наказания.

Я вновь закуриваю и потихоньку начинаю брести по набережной. Мне сегодня очень хорошо. Я в отпуске, я наслаждаюсь...

6

Грусть, печаль и одиночество. Вот что я вижу в людях. Весь мир беспощадно погружается в это состояние. Возможно, это и есть конец. Сколько мы ещё протянем? Сколько поколений пройдёт, прежде чем последний из оставшихся в живых оглянется и поймёт, что наше существование раз и навсегда закончено. Я верю, что так оно и будет, если только не заставить их понять, что ещё есть время, что ещё не поздно повернуть реку в правильное русло.

Я поднимаю бокал. Он наполнен бордовой жидкостью, и я постепенно подношу ее к губам и делаю глоток. Я не тороплюсь, моя задача сегодня оставаться в трезвом уме, впрочем, как и всегда. Если честно, меня всегда преследовало непонимание того, почему людям так необходим алкоголь? Неужели они и вправду верят в его целебные свойства? Смешно. Алкоголь позволяет им якобы расслабиться, развязать языки и стать более раскрепощенными. И, чёрт возьми, они правы!

Я сижу у барной стойки. В этом клубе я не впервые, но и не заядлый посетитель. У меня есть цель, и я постепенно иду к ней. С каждой минутой и каждым часом я наблюдаю за тем, как люди превращаются в подобие животных. Ничего не меняется, но в данный момент мне это на руку. У меня есть цель, и она вот-вот отправится в пляс. Каково же жить без тревоги? Неизвестно. Но такие места помогают позабыть об

этом, а наутро, если, конечно, сможешь проснуться, у тебя будет болеть голова, а мозг попытается вспомнить. Что же я делал этой ночью?

Вспоминают не все. Кто-то, оказывается, засыпает навсегда и не без помощи некоторых личностей. Почему бы просто не пообщаться? Почему не поговорить на приличные темы? Почему людям стало неинтересно? Ведь умение найти общий язык и начать интересный разговор не важнее, чем залезть кому-то под юбку или в штаны?

Я делаю очередной глоток и ставлю бокал на своё место. Поднимаюсь со стула и иду туда, где все двигаются в некоем подобии хаоса. Я начинаю двигаться в такт, не спеша, почувствовав ритм, рассчитав бит. Незаметно я начинаю приближаться к цели. Мы встречаемся взглядами, и вот вновь старый план начинает воплощаться в жизнь...

Часть третья

1

Кто мы? Извечный вопрос. Для чего рождены? Для чего существуем? Вопросов много, но ответ сможет дать каждый сам себе самостоятельно. Я же считаю себя пустым местом. Человеком без прошлого и будущего. День за днём мы придумываем себе занятия, ищем свой путь, а находя, считаем это знамение Божьим. А если не всё предрешено заранее? Что, если всё это просто слова, которые мы говорим себе ради успокоения, дабы не думать о самом главном. Смерть, она постигнет каждого из нас, и это самый главный вопрос. Что она из себя представляет?

Снова мой телефон завибрировал. Я никогда не включаю мелодию, привык к виброрежиму настолько, что могу услышать ее позывы даже на расстоянии. Я отвлекаюсь от звёзд, к которым так мечтал попасть.

Я стою на небольшой террасе, в одной из моих рук уже достаточно остывшая чашка кофе, а в другой терпкая сигарета. Разве не об этом я мечтал, покидая сырой и потускневший город. Я мысленно словно бежал из него сломя голову, до тех пор, пока это и не случилось наяву. На одной из вечерних прогулок по набережной я стоял, уткнувшись взгля-

дом в воду. Было промозгло и сыро, но к этому я привык. В тот день я размышлял кое о чём. Что, если просто взять и прыгнуть в реку? Смогу ли я переплыть ее, когда вода со своей температурой подходит ближе к нулю. В этот миг, когда я уже вот-вот готов был сделать этот шаг, я услышал чей-то голос позади себя:

– Я думаю, что вам это не удастся!

Я обернулся и взглянул на нее. Она стояла передо мной в приталенном драповом пальто и мило улыбалась.

– Вы о чём?

Она сделала несколько шагов и оперлась руками о каменный забор.

– Переплыть Неву!

Я взглянул на нее и улыбнулся в ответ:

– С чего вы взяли, что я собрался это сделать?

– Издержки профессии! Каждый год, особенно осенью, в этом городе большой процент суицидов приходится на утопленников.

– Хмм. А я-то тут причём?

– То есть я ошиблась?

Я взглянул в ее глаза. В ее зрачках отражался один из мостов с его ярким свечением. Я подумал в тот миг, что обмануть мне её не удастся, она словно видела меня насквозь. Я промолчал, ничего не ответив, и вновь повернулся к реке.

– Вот видите, опыт моей работы позволяет видеть то, что многие не замечают.

– Вы психотерапевт?

– Практически верно, только если быть более правильным, то специалист судебно-криминалистической психологии.

– Интересная у вас профессия.

Она обернулась ко мне, незаметно придвинувшись. Я почувствовал, как приятно от нее пахнет. Ее запах отличался от той медсестры или же от Лолы. Он показался мне более живым, что ли.

– А что у вас за профессия, что заставила вас прийти сюда, в столь поздний час, уже не впервые?

– Вы что, следите за мной?

– Скрывать не буду. Именно так, я живу неподалёку и так же, как и вы, прогуливаюсь периодически здесь, но вас вижу только в последние несколько дней.

– Да, у меня... – я замешкался, со мной такое было впервые за множество лет. Я вновь взглянул в ее глаза, они были настолько живые, что по моему телу побежали мурашки. – У меня отпуск.

– И вы получили травму во время отпуска?

Я совсем забыл о том, что моя шапка полностью не способна закрывать бинт.

– А это.. это... – Да что со мной! Почему я веду себя как подросток! – Ладно, от вас, видимо, не скроешься. Я на больничном, а это причина. Просто какой-то хулиган ударил по голове металлической трубой. Но я даже благодарен ему, так

как забыл, когда последний раз отдыхал.

Она рассмеялась так мило и так искренне, что я поначалу не поверил в происходящее.

– Какой прекрасный у вас смех, ущипните меня, чтобы я поверил в происходящее.

Она ущипнула меня не колеблясь, и я ощутил ее прикосновение. Мне показалось, что я будто бы очнулся от долгого сна.

– Здесь немного холодно, давайте пройдемся до ближайшего кафе. И не переживайте. Я вас угощаю!

Это предложение мне понравилось, и я не раздумывая направился за ней...

Ее руки обхватили меня вокруг талии. Она залезла под расстегнутый пуховик, а подбородок положила на плечо.

– Замечательно здесь. И очень красиво, – прошептала она мне на ухо.

Я промолчал, сделав глоток кофе, после чего глубоко затянулся.

– Поделишься?

Я молча передал ей сигарету, а после произнёс:

– Это мой мобильник вибрировал?

– Ага, – произнесла она на выдохе, и я обратил внимание на облако дыма – быстро растворилось.

– Не обратила внимание, кто звонил?

– Да, Степанов. Это твой знакомый?

– Да, коллега по работе...

2

В кафе я поднимаю горячую чашку чая, вдыхаю его аромат. Он говорит о том, что я всё ещё жив. С каждым глотком становится всё теплее, и я прихожу в себя. Мы снова встречаемся взглядами. Какая же прекрасная улыбка. Я потихоньку прихожу в себя и немного сомневаюсь в происходящем. Она приоткрывает свои алые пышные губы и что-то произносит. Я наблюдаю за ней, но ничего не слышу. Само по себе ее присутствие что-то меняет в этот миг в моей душе. Где-то чуть выше живота будто загорается огонёк, как электроподжиг на газовой комфорке. И где она была до этого? Видел ли я ее раньше? Ее лицо мне до боли знакомо. Я снова ожил.

– Да, Юра. Что у тебя?

– Ты куда пропал? Я заезжал к тебе. Есть кое-какие подвижки по нашим жмурам, хотел поделиться. И кое-что ещё произошло.

Я глубоко вдыхаю теплый воздух и наблюдаю за огнём из камина.

– Говори.

– Мы обнаружили ещё один труп. Всё то же самое, только на этот раз в квартире. И он не настолько свеж, как предыдущие. Соседи пожаловались на запах с вентиляционной шахты. Участковый прошёлся по всем квартирам. Одна из них была заперта и, по словам соседей, уже давно пустовала. Дед,

который жил там, уже давно похоронен.

– Какой район?

– Ну как какой. Наше подразделение.

– Кто жертва?

– Молодой мужчина. Тело уже существенно разложилось, и вся квартира была заполнена мухами. Мерзкое зрелище, скажу я тебе.

Я немного отвлекся на проходившие мимо меня обнаженные ноги. Я проводил ее взглядом и вновь прислушался.

– Алло, Сёма, ты здесь?

– Ага. Продолжай.

– В общем, походу, у нас тут серийка. Ты как себя чувствуешь? Подполковник в ярости, три трупа и ни одной подвижки.

– Понятно. От меня-то что нужно?

– Я понимаю, что ты сейчас на больничном, но прошу, не мог бы ты хотя бы поприсутствовать и помочь.

Я выдыхаю. Только мне показалось, что я отвлекся от всего происходящего, и оно вновь меня настигает. Грязь, кровь и смерть. Вот моё истинное предназначение.

– Хорошо. Буду завтра. Заезжай ко мне вечером со всей имеющейся информацией.

– Отлично, тогда до встречи.

Я нажимаю отбой и вытягиваюсь. Мои суставы прохрустели. Я нахожусь в полулежачем состоянии на теплом деревянном полу. Моя спина упирается в мягкий диван, а перед гла-

зами сверкают оранжевые искры, исходящие из пламени.

Когда я слышу приближающиеся шаги, я улыбаюсь. Она садится рядом, становится ещё теплее. Она подносит к моим губам бокал и помогает сделать глоток.

– Это поможет тебе отвлечься, – произносит она мягким голосом.

– Благодарю. Ты и так уже много чего для меня сделала в эти дни. Будто прочитав мои мысли.

Она прижимается ещё сильнее. Мне становится так хорошо, что я и вправду начинаю забываться вновь.

– Когда произошёл тот ключевой момент, после того как ты изменился? Ведь, по твоим рассказам, ты до этого был совсем другим. Когда ты потерял связь с этим миром?

Я улыбаюсь.

– По-моему, я всегда был таким.

– Вспомни и расскажи. Мне ты можешь довериться целиком и полностью.

Я задумываюсь. В моей голове то и дело начинают всплывать события, люди, грязь, кровь и смерть. Я поочередно думаю и перебираю каждое дело. О чем-то я уже забыл, о чем-то иногда вспоминаю, но самое главное до конца моих дней останется в памяти.

Я начинаю метаться в поисках сигареты, тут же она прикуривает и отдает ее мне. И как ей это удаётся?

– Благодарю. Это произошло около полутора лет тому назад. Нам пришло сообщение о найденных останках тел, раз-

брошенных по всему периметру не только центрального района в мусорных контейнерах, но и по всему Петербургу. Около месяца ушло на то, чтобы собрать по кусочкам все эти тела и попытаться разобраться в том, кому они принадлежат. Каждому из этих девочек и мальчиков было не больше десяти лет, – мои руки затряслись, она нежно прикоснулась к одной из них. – Представь, каково было родителям этих пропавших без вести детей спустя годы видеть их растерзанными. Я и ещё несколько сотрудников вели это дело. Конечно, родители заявляли о пропаже, участвовали в поисках, но так никого и не находили. Мне пришлось общаться с каждым из них лично. Я видел всю эту боль, все горе, что охватило их, и ничего не мог поделать. Не мог изменить жизнь, не повернуть всё вспять, чтобы оградить их от того, что стряслось. Это дело было строго засекречено. Ведь не дай бог, если бы эта информация просочилась в сеть. К чему бы это всё привело. Нужно было действовать оперативно в поисках того, кто это совершил. Мы перерыли весь город в поисках этих тварей, и нас практически ждал успех. Мы поймали тех, кто уродовал эти тела, но, копнув глубже, мы поняли, что ниточки уходили гораздо выше. Мы забрались слишком далеко, и нас отстранили. Это дело забрал главк с изъятием всех улик и того, что нам удалось найти. Найденные нами преступники по загадочным обстоятельствам не дождались суда, они попросту покончили с собой в камерах предварительного заключения.

Я докурил и продолжил.

– В общем, дело закрыли, а мне приказали не соваться туда, куда не нужно. Некоторые из родителей этих мальчиков и девочек не выдержали, и кто-то ушёл из жизни. Видишь ли, кто-то потерял всё, а кто-то продолжает своё дело. Каждый из этих детей подвергался насилию. Кто-то пропал несколько лет назад, кто-то и того раньше. Некоторые из этих ребят были и вовсе из других регионов.

– Люди боятся попасть в ад, а сами живут в нём.

– Полностью с тобой согласен. А теперь кто-то намеренно вешает людей и будто бы пытается что-то показать.

– Ты считаешь, что это относится к тому делу?

– Черт его знает. Я знаю лишь одно. Я обещал родителям тех людей найти виновных, и по документам всё в порядке, но я понимаю что те, кто расчленил этих детей, лишь находятся на вершине айсберга, а докопаться до истины мне не суждено.

– На этот счёт ты ошибаешься. Я покопаюсь в делах об этом деле и, возможно, смогу тебе помочь...

3

Смогу ли я вновь вдохнуть жизнь? Возможно. Смогу ли начать сначала и довести дело до конца? Возможно. Пришло время. Я уже не стою на распутье, теперь я полон сил и уверенности, и я поставлю точку. Жизнь продолжается, и она слишком коротка, поэтому не следует откладывать на завтра то, что можно сделать именно сегодня. Тем более что моя судьба уже предreshена. Избавление от демонов прошлого – вот залог того, чтобы продолжить жизнь. Не безупречную, не идеальную, но я и не стремлюсь к этому. Мое стремление – это спокойствие и умиротворение. Я сделал свой выбор и следую своим путём.

За окном идёт снег, смешанный с дождём. Выходные закончились, и я безмерно благодарен ей за них. Мечты способны сбываться, как бы мы ни отрицали сей факт.

Я снял бинт. Голова практически зажила, по крайней мере, шов было не видно под густыми волосами. Мигрени также отпускали, и, в принципе, я был готов выйти на службу, но до конца больничного оставалось около двух недель. Нет, Селиванов точно не допустит меня до работы, поэтому мне придется проявить инициативу самостоятельно.

Раздаётся звонок в домофон, и я оборачиваюсь. Мне не нужно гадать, кто это мог быть, и, поднеся трубку к уху, я просто нажимаю кнопку открытия двери. Я жду, закуриваю

очередную сигарету и откашливаюсь после первой затяжки. Пора всё же бросать это дело. А хотя...

Я открываю дверной замок, слышу чьи-то шаги по лестнице и одышку.

– Пора бы спортом заняться. На пятый этаж не можешь подняться.

Юра улыбается и протягивает мне руку.

– Кто бы говорил! На себя посмотри!

– А что? – я делаю удивлённое лицо и выдыхаю серый дым.

Юра проходит и, снимая обувь и влажную куртку, оглядывается.

– Ты когда в последний раз уборку навёл. Бомжатник какой-то устроил.

– Всё на своих местах. Пойдем на кухню. Кофе будешь?

– Ну давай.

Мы проходим на кухню, и я ставлю чайник.

– Прости, у меня только растворимый.

– Да я как-то к другому и не привыкал. Ты где пропадал? На звонки не отвечаешь, дома тебя тоже нет. Я понимаю, что у тебя больничный и все дела, но я ведь не знаю, жив ты или кони двинул.

– Меня не было всего пару дней. До этого я не припоминаю, чтобы ты шибко трезвонил мне или звонил в дверь. Так что не преувеличивай! Выкладывай, что нарыли?

– Особо ничего, кроме того, что мы поначалу нацелились

не туда.

Я кивнул, подтверждая то, чтобы он продолжал.

– В общем. погибшие друг с другом никак не были связаны лично. Все они примерно одного возраста плюс-минус несколько лет. Поначалу мы начинали копать на тему их связей, что, мало ли, эти ребята насолили кому-то или во-все сговорились закончить таким путем жизнь. Ты ведь знаешь, фанатиков много всяких. Но потом я копнул чуть выше и оказалось, что родители этих юношей и девушки не простые люди. У первой найденной нами жертвы отец профессиональный юрист! Защищает интересы высокопоставленных лиц, имена которых не следует упоминать все.

У меня вновь возник образ человека у судмедэкспертизы. Поэтому мне и показалось, что он не прост, при первой нашей встрече. Чайник восторженно засвистел.

– Тебе сколько ложек?

Мне показалось, что Юра призадумался.

– А, давай две с половиной. Нужно взбодриться.

– Хорошо. Продолжай.

– В общем, остальные два паренька так же дети не из простых семей. Их родители, а, точнее, отцы рвут и мечут, но оно и понятно. К ним мы еле пробрались, и то отвечали на наши вопросы лишь их доверенные лица.

Я поставил две чашки на стол и сел напротив, достав сигарету.

– Так что кто-то, видимо, объявил охоту на детей этих де-

ателей, и я не знаю почему. Кто-то выставляет это всё как суицид, но в то же самое время не избавляется от улики полностью. Он хочет, чтобы мы видели след помощи в окончании жизни этих ребят. – Юра сделал пару шумных глотков.

– А что Селиванов?

– Ооо, тот места себе не находит. Его долбят сверху, говорят во что бы то ни стало найти виновного. Так как ты думаешь, что это? Месть? Или что?

Я вдыхаю тёплый дым, задерживаю его ненадолго в лёгких, а после выдыхаю. нацелив этот поток в потолок.

– Думаю, что да. Но пока нам не удастся поговорить с родителями и понять связь между ними, мы не поймём, как и кого они могли сподвигнуть на это. Детей терять тяжело.

– Да, мне даже представить сложно. Пройдя недавно через тот ад, я каждый вечер и утро крепко обнимаю своих, да так, что на мгновение приходят мысли свалить из этого города куда подальше в захолустье и больше не появляться здесь.

Я отворачиваюсь в сторону. В голове то и дело всплывают останки, я закрываю глаза, и моя правая рука, что держит сигарету, начинает трястись.

– Имена есть этих деятелей?

Юра кивает.

– Дашь их мне, я постараюсь через свои каналы проверить, может, что и нарою.

– Это вряд ли. Там всё закрыто завесой тайны, и подобраться не так уж и просто.

– А почему главк не займётся этим делом? Так же, как и тогда.

– Пока у нас недостаточно улик, указывающих на причастность кого-то извне, кроме следов на шее, и то это всё косвенно. Никакой конкретики. Не считая, правда, того, кто рубанул тебя ещё! И то дежуривший никого не видел. По сути, это всё можно приписать к суициду и закрыть дело. А ты и вовсе ещё пока на больничном и то, что я делюсь с тобой, так это просто личная инициатива.

Я ухмыляюсь и до меня кое-что доходит. Каждое из преступлений было совершено в тех местах, где стояли контейнеры с мусорными бачками!

– Давай имена. Узнаю что, сообщу.

Юра берет свой телефон и отправляет мне имена. Через пару секунд мой телефон вибрирует, но я не реагирую.

– Так ты где был? Поделишься?

– Отдыхал за городом.

– О, везёт. Один?

Я отрицательно мотаю головой.

– Ах ты, хитрый лис. Но как, хороша?

Я положительно киваю в ответ.

– Никаких подробностей, я понял. Но я рад за тебя, тебе давно пора остепениться, тем более после твоей потери прошло уже много лет. Пора бы начать всё сначала...

Моим скитаниям приходит конец. Их осталось немного, круг сужается, а напряжение растёт. Смогут ли меня остановить? Смогут ли поймать, не дав мне достигнуть своей цели? Нет. Я доделаю всё до конца, тем более мне так нравится беседовать с каждым из них. Да, конечно, получается скучно, в основном все они лишь молят о пощаде, затем просят отпустить и в конечном итоге, понимая, что этому не быть, начинают проявлять агрессию. И ни один, ни один не услышал меня, не поддержал в беседе. Но надежда всё ещё есть. Я надеюсь, что хоть кто-нибудь сможет объяснить то, что происходит с этим миром.

Я выжидаю. Мне больше ничего не нужно делать. Я, как рыболов, закидываю удочку и, замерев в тишине, жду, когда жертва сама попадётся на крючок. Сейчас это легко. Люди перестали думать, точнее было бы сказать, что они перестали думать головой. Большинство управляют потребности. Днём их душа требует что-нибудь эдакое, чтобы потешить душу новыми безделушками, а ночью, ночью происходит демонстрация всего приобретенного. Они, как дети, показывают не то, насколько они начитанны или умны, это никому неинтересно. Проще сверкнуть какой-либо безделушкой, и они или кто-то другой уже на крючке.

Я выжидаю в лёгком свечении ночника. Создать некую та-

индивидуальность, превознести некую толику интриги и загадочности и всё, кто-то сразу готов расстегнуть штанишки или припустить юбку.

Самое забавное, что неважно, какого пола ты. Главное, что люди начали забывать о неких рамках, которые были созданы самой природой. Люди начали экспериментировать, позабыв о том, что жизнь заключается не только в интимных утехах. Никто не хочет долгих разговоров, никто не готов слушать и даже говорить, делиться чем-то сокровенным друг с другом. Мы все стали одинокими и свыклись с этим. Единственная близость, которая теперь требуется, это интимная, не духовная.

Я слышу три одиночных стука в дверь. Она пришла, одинокая, избалованная и забытая своими родителями. Сможет ли она дать мне то, чего я желаю? Или она пришла лишь за тем, что нужно ей?

Я встаю с кресла и тушу сигарету с мыслями о том, что люди совсем перестали думать наперед, не понимая, что случайная связь – это всего лишь временное облегчение или же просто погибель. А, может, именно второе и нужно им, чтобы избавиться от мучений, которые они сами себе преподносят.

Я открываю дверь, ее глаза блестят, а губы дрожат, расплываясь в улыбке. Мне это нравится. Жалею ли я о том, что, скорее всего, это ее последняя улыбка. Нет, совершенно нет. У меня пропало это чувство уже совсем давно. Боюсь ли я

умереть вместе с ней? Тоже нет, ведь мне нечего терять, как и большинству.

– Проходи, – я улыбаюсь в ответ.

Она проходит мимо меня, ее волосы приятно пахнут. Я не испытываю возбуждения, мне лишь понравился аромат.

– Как-то здесь необычно!

Я закрываю дверь, понимая, что ей всё равно, она пришла за другим. К комфорту она привыкла, так же как и к дискомфорту, не видя никакой разницы, ведь ее мысли направлены в другое русло. Даже если здравый смысл и подсказывает ей о том, что зря она сюда пришла – повернись и уйди! – она всё равно не слушает, так как устала от всех этих нравов-учений. Она хочет быть самостоятельной, а мне это только на руку.

– Бери бокал! Угощайся! Это поможет тебе перестать нервничать!

Она поднимает бокал, делает глоток. Я лишь пригубливаю этот напиток, так как знаю, как он подействует на нее через пару минут.

Я наблюдаю, как ее мандраж уходит, глаза начинают закатываться, и она, сделав несколько неровных шагов, падает как раз в мои объятия.

Вот и всё. Теперь предстоит разговор, который покажет, кто она есть на самом деле...

Я снова слышу капли. Они словно гипнотизируют меня, падая и разбиваясь о металлическую кровлю. После травмы головы мой слух значительно обострился. Я слышу то, что раньше пропускал мимо своих ушей. Что-то явно изменилось с того вечера. Каждый раз я забываю некоторые фрагменты из своей жизни. И дело не в долгосрочной памяти, скорее, в краткосрочной. Вот, к примеру. только что я сидел на кухне с Юрой, а сейчас уже ночь, и я лежу в постели, слушая как завораживающе стучит капля за каплей, заставляя меня думать о том, что я схожу с ума.

– Будешь сигарету? – она прикурила, и сквозь слабое свечение уличных фонарей, врывающихся в комнату сквозь окна, я увидел оранжевый огонёк. Огонёк на секунду стал ярче. Она вдохнула дым, глубоко затянувшись.

Я не ответил на поставленный вопрос, так как знал, что ответ ей и не нужен. Она передала мне сигарету, и я наслаждался первой за несколько часов затяжкой.

Она укрывала обнажённое тело частью одеяла. Ее густые вьющиеся волосы падали на плечи, прикрывая часть лица.

– Я кое-что узнала о том случае. Бедные детки. Подробную информацию найти не удалось. Файлы засекречены.

Я кивнул и передал ей эстафету.

– Само собой.

– Кому это нужно было? Для чего скрывать это всё? Чтобы не навести ужас и страх на жителей?

Я вновь сделал затяжку.

– Я узнал некоторые имена, о которых мне поведал Юра. Они были у меня на слуху и ранее, но сейчас у меня вырисовывается неприятная картинка. Тех детей воровали для чьих-то извращённых и похотливых нужд. Затем что-то произошло, и от детей пришлось избавиться. – Я чувствую, как моя правая рука вновь начинает трястись. – Те люди, которых нам удалось взять, могли бы расколоться, но мы не успели ничего сделать для этого, а точнее, нам попросту не дали. Сейчас мы живём в такое время, что довериться, кроме себя, абсолютно никому невозможно.

– Тогда почему ты говоришь мне об этом?

Я смотрю ей прямо в глаза. Они сияют, и я полностью утопаю в них.

– Сам этого не понимаю.

Она приближается ко мне. Я чувствую ее аромат, он притягателен и будто знаком мне всю жизнь.

– Ты когда-нибудь думал о семье?

Я обнимаю ее, чувствую такое родное тепло, начинаю утопать в нём.

– Да, однажды. У меня был выбор, и я сделал его.

– Видимо, ты любил ее, раз смог отпустить. Боялся за ее жизнь и за жизни будущих детей?

Я молчу, не могу произнести ни слова в ответ, ведь она

задаёт правильные вопросы, на которые знает ответы.

– Завтра я постараюсь навестить их родителей.

– Этих погибших молодых людей?

– Нет. Тех, тела чьих детей нам пришлось собирать по всему городу по кусочкам...

6

Жизнь и смерть постоянно ходят рядом друг с другом. Никто не знает, где и когда второе достигнет нас. Мы стараемся не думать об этом, отвлекаемся, как только приходят эти мысли, и мы начинаем тонуть. Эти мысли засасывают нас словно бескрайний омут. Мы мгновенно ищем выход, включаем телевизор, берём в руки книгу посреди ночи или же выскакиваем на воздух и пытаемся насытиться им. Смерть пугает нас, но не всех. Опасен тот человек, который избавился от этого страха, ибо он одинок и отчаялся. Этому человеку всё равно, кто вы и что из себя представляете. Он лишь способен уйти вместе с вами оттого, что вместе веселее, нежели одному, покинуть этот мир.

Снова вибрация. Я уже дома, просыпаюсь в своей постели. И когда я вернулся? Во сколько? После травмы головы я немного потерял связь с реальностью. Мысли путаются, так же, как и действия.

Я подношу телефон и на экране вижу знакомый номер.

– Да, Юра.

Через секундное молчание тот отвечает.

– У нас очередной жмур. Принцип тот же. Подъезжай. Адрес я скину.

– Договорились.

Я нажал отбой. Через секунд десять телефон одиночно за-

вбиривовал. Я смотрю на адрес, и он, оказывается, мне знаком. Всё те же районы, где были найдены останки.

Я поднимаюсь с кровати и иду в ванную. Проходя по коридору, я обращаю внимание на дверь. Она уже так давно заперта. Я боюсь заходить в эту комнату. А почему? Всё просто. Обстановка в ней напоминает мне о прошлых временах. А какие они были? Счастливые или горькие. Почему я не помню? И когда начались эти провалы в памяти?

Я дёргаю за ручку, дверь не поддаётся. Под ручкой вырезан замочный проём. Когда я его сделал? И где ключ?

Я прохожу мимо и захожу в ванную. Лампочка горит тускло, я подхожу к зеркалу и смотрю на себя. Я вздрагиваю. Что со мной? На кого я стал похож? Небрит, всё лицо покрыто морщинами, а глаза... Глаза слишком уставшие, так как не выдают ни капли эмоций.

Включив воду, я залезаю в ванну. Как же приятно постоять под душем. Он будто бы смывает всё лишнее, и это относится не только к накопившейся грязи на коже, нет, он помогает очиститься и душевно. Скорее всего, название от этого и произошло. Не хватает лишь одной детали. Было бы прекрасно, если бы и этот город мог в один момент очиститься, к примеру, огромной волной, что смыла бы всё плохое, что в нём накопилось.

– Знакомое место, не правда ли?

Юра встревожен, он встретил меня у арки. Конечно же, я узнал это место, вход в парадную был напротив мусорного

контейнера.

– Что там?

– Девушка. Чуть младше предыдущих. Обстановка примерно та же.

– Личность?

– Уже установили. Дочь прокурора. Ты представляешь, что сейчас начнётся? Нас всех отымеют и в хвост и в гриву!

– Что со следами? Найдено что-нибудь?

– Криминалисты работают.

– Юра, ты знаешь, что делать. Если это дочь прокурора, то ты должен добиться с ним разговора. Пояснить всё то, что происходит. Он должен дать ответы, иначе нам не предугадать следующие шаги этого убийцы.

– Хорошо. Я постараюсь.

– Отлично. А я пока что поговорю с родителями тех детей.

– В смысле?

Я перешёл на более тихий тон.

– Я считаю, что кто-то знает больше, чем мы. Кто-то узнал о причастности этих людей к тем убийствам. Думаю, что это похоже на месть.

Юра побледнел, после огляделся.

– Пойдем-ка в машину!

Его спина маячит передо мной. Я иду следом и сажусь на пассажирское кресло.

– Ты о чем вообще говоришь? Ты заочно обвиняешь этих людей в причастности к тем зверским убийствам? Ты в своём

уме?

На последний вопрос я не могу ему ответить, так как сам не уверен, а вот насчёт остальных – почему бы и нет.

– Так ты сложи два и два! У нас забирают дело, преступников, совершивших это, мы даже и не успели допросить. Этим занялся главк. В итоге все свидетели стали грузом двести, и дело закрыли. Слишком серьёзная завеса тайн! Как ты сам считаешь? Ты же сам уже давно всё понял у себя в голове! Просто кто-то устроил охоту на детей этих людей в отместку! И у того, кто это затеял, есть веские причины!

Я вижу, как Юра затряс ногой.

– Основания есть. Да они у всех нас есть, получается! Ты не знаешь, что это за квартира?

Я оглядываю двор. И что-то припоминаю.

– Эта квартира числится за МВД.

Я замолкаю.

– Что подвал – он и вовсе находился под нашим ведомством. Все эти квартиры, кроме первой, где был двухнедельный труп. Но она опять же была под арестом, так как там был умерший человек без родственников. Мы курировали все эти объекты недвижимости.

Я достаю сигарету и закуриваю.

– Не кури у меня в машине! – произносит Юра.

Я смотрю на него, а он обращает внимание на сигарету.

– Ты ведь всю жизнь куришь одни и те же сигареты?

Я удивляюсь его замечанию, но отвечаю.

– Давно. А что?

– Да так, ничего. Ты посиди в машине. Тебе на место преступления нельзя заходить, так как ты не при исполнении.

Он покидает кабину автомобиля. Я остаюсь в салоне, и до меня кое-что начинает доходить.

Часть четвертая

1

Боюсь ли я? Нет. Я забыл, что такое страх, уже очень давно. Я часто вспоминаю детство, когда боялся выключить свет. Сейчас же я предпочитаю темноту. Я выбрал свой путь, я выбрал ту часть себя, что просыпается именно ночью. По ночам мы готовы на многое, маски сняты, и мы все естественны. Мы становимся теми, кто мы есть на самом деле, и это не плохо. Если хочешь понять человека, просто дождись темноты и взгляни на него, и ты познаешь всю его суть.

Их осталось немного. Мой план практически удался, правда, уже поднята паника, но я не переживаю. Я оборотень, в любой миг могу измениться и притвориться кем угодно ради собственной выгоды. А что касается выгоды, так она совершенно проста. Имя ей отмщение. Я понимаю, что мои действия настолько просты, что не смогут изменить весь мир, а что вообще способно изменить мировоззрение остальных? Что позволит открыть глаза большинству? Война? Нет, это лишь временно, позволит сохранить нейтралитет, так как люди не способны жить рядом друг с другом. Зависть, ненависть, злость – все это порождает к действиям не самым приятным. Нет, конечно, кто-то сдерживает себя

и свои эмоции, но и они рано или поздно дадут о себе знать.

Я изменил свою жизнь. Я долго скрываюсь, терплю, но всему есть предел, и мои демоны вырвались наружу.

Сейчас я смотрю на очередную душу. Возможно, она отправится к небесам, а возможно, наоборот, провалится под землю, к адскому пламени. Всё это неважно, тем более что я не верю ни в то, ни в другое.

Сколько их осталось? Немного. Далее я заявлю о себе в другом ключе, далее они познают, насколько это тяжело потерять смысл жизни в один миг.

– Кто ты?

Ее хриплый, дрожащий голос в моих ушах звучит словно мелодия.

– Я твоё спасение.

Она начинает просыпаться, шевелит шеей, чувствует там посторонний предмет.

– Что, что вам нужно? Мои родители... Вы знаете, кто мои родители?

Я не сдерживаю смех.

– Да, конечно, знаю. А ты?

Слеза покатилась по ее правой щеке.

– Давайте я заплачу вам? Мои родители заплатят вам! Только отпустите меня, прошу вас.

– В этом ты абсолютно права. Заплатят. Очень высокую цену. А, возможно, и не очень. Смотря как они относятся к тебе. Любят ли? Желают ли тебе счастья? Спорю, ты не

раз задавалась этим вопросом? Интересно, иначе не была бы сейчас здесь, окружённая друзьями, но одинокая в душе. Я ведь вижу тебя насквозь.

Она начинает шевелить руками и пытается встать. Я вижу эту картинку не в первый раз. Они все ведут себя абсолютно одинаково, а может, мы все в чем-то схожи.

– Отпустите меня, пожалуйста...

Слушая каждый раз их жалостливые голоса, я ловлю себя на мысли, что мне не жаль их. Мне абсолютно не жаль никого. У меня пропало это чувство насовсем. Моя душа переродилась, она умерла и воскресла вновь, только совершенно другой.

– Я каждый раз говорю о том, что вам нужно будет лишь ответить на мои вопросы, а затем, возможно, отпущу. Но всё это самообман. Всё давным-давно предрешено. Все мы грешники, так или иначе, и ты в том числе. Конечно, каждый из нас имеет выбор, кем мы станем, когда вырастем. Но... но у кого-то этого выбора уже не будет.

Я подхожу к ней, встаю на колени. Ее глаза покрасневшие, а с подбородка стекают слезы, смешанные со слизью из носа. Теперь она не такая боевая, не такая дерзкая, какой предстаёт обычно перед своими друзьями.

– Тебе просто не повезло быть рождённой теми, кто согрешил и ушёл от ответственности. Признаюсь честно. Ты единственная, перед кем я изливаю душу. Я одинокий, опустошенный человек, что потерялся. Я бы хотел найти себе

собеседника. Того, кто понял бы меня и мои мотивы, но способен ли кто-нибудь на то, чтобы выслушать меня? Способны ли люди вообще подумать о ком-то другом, кроме себя?

Она всхлипнула, затем ее дрожащий голос, снова промолвил мне.

– Вам нужен пси.. психолог. Они учились на то, чтобы слушать.

– О, это отличный совет. И, кстати, мне его предоставляли, даже бесплатно. Но он мне не помог. Я знаю свой путь, пусть он не особо гуманный, но всё же верный. Для меня верный.

Я встаю и возвращаюсь к стулу. Поднимаю с пола книгу.

– Ты любишь читать?

Она кивает мне головой.

– О, а это уже интересно. В нынешнее время это редкость. Проще сидеть в смартфоне и смотреть забавные видео, где люди ведут себя хуже животных. На мой взгляд, скоро животные превзойдут нас и встанут на вершину эволюционного древа, так как мы деградируем.

– Ты когда-нибудь читала «Планету обезьян» Пьера Буля?

Она отрицательно помотала головой.

– Отпустите меня, прошу вас! Мои родители...

Я нажимаю на кнопку, и ее тело поднимается к потолку. Вены на ее шее вздулись. Одна нога задержалась в конвульсии.

– Убийцы, – оканчиваю я её предложение и перелистываю

страницу...

2

Доверие. Немаловажный фактор любых взаимоотношений. Если этого нет, то нет и близких вам людей. Кто мы без этого чувства? Никто, пустое место. Мы все одиноки, боимся и закрываемся в себе, не подпуская никого к себе ближе, чем на метр. Мы все катимся в пропасть, из которой уже не выберемся никогда.

Мой телефон вибрирует в кармане пальто. За окном трамвая по-прежнему идёт снег с дождём. Люди вокруг настолько привыкли к такой погоде, что не пытаются скрыться. Они принимают удар прямо на себя.

Я достаю телефон и вижу всё тот же номер телефона. Нажимаю ответ.

– Да.

– Ты куда пропал?

– Уехал.

– Я отправил окурки на экспертизу. Если тебе есть ещё что-то сказать мне, то лучше сразу разъясни. Мы ведь не первый год знакомы.

– Что ты хочешь услышать?

– Без обид, Сём, но где ты был прошлой ночью? Только не говори, что дома. Потому что лучше бы ты куда-нибудь ходил.

Я молчу, потому что вроде бы я был у неё, но порой мне

кажется, что все наши с ней встречи лишь плод моего воображения.

– Мне нечего сказать тебе.

Я слышу, как мой собеседник тяжело вздыхает.

– Сём, не уезжай далеко из города. Хорошо?

– Я впал в поле твоего подозрения? Хотя не отвечай. Я и сам всё понимаю. Ведь никто, кроме меня, не был так одержим поимкой тех тварей.

– Прости, оставайся на связи. Я боюсь, что это дело не простое. У тебя пока что ещё больничный. Поэтому расслабься и отдохни. О результатах я сообщу тебе позже.

– Договорились. До связи.

Я нажимаю отбой и убираю телефон в карман. На моем лице улыбка. Она связана с тем, что люди настолько любят лёгкие пути в жизни, что не хотят думать. Им проще обвинить первого попавшегося во всех прегрешениях и тем самым очистить душу. Только вот они ошибаются. Всё это рано или поздно вернётся и ударит по самому уязвимому, да так, что живого места не останется.

Я еду домой, мне стало интересно вскрыть ту дверь. И когда же я ее забаррикадировал? Не помню совершенно. А после стоит обратиться к доктору, чтобы он разъяснил, что со мной творится.

И зачем она меня спасла тогда, возможно, меня сейчас нашли где-нибудь в акватории залива, легко и безмятежно дрейфующего в открытом море. Конечно, так же вероятно,

что я был бы частично съеден корюшкой, что так любят наши жители. Да-да, эта рыба самый ярый поедатель наших туш, что случайно или же специально оказались во власти водной стихии.

Вот и моя остановка. Выходя из трамвая, я оглядываюсь. После достаю сигарету. Задумываюсь. Всё же эти сигареты так или иначе не приносят мне счастья, да ещё и подставляют. Улыбаюсь. После прикуриваю и наслаждаюсь этим теплым, согревающим дымом.

Заходя в парадную, прислушиваюсь. Никого. И что это стало со мной? Да всё очень просто. Паранойя, смешанная со здравым смыслом.

Поднимаюсь по лестнице на последний этаж. Захожу в свою квартиру.

Защелкнув замок, прислушиваюсь. Тишина. Не снимая обувь и пальто, подхожу к закрытой двери и дёргаю за ручку. По-прежнему заперто. Да и почему она должна вдруг открыться? Паранойя. Ищу ключ. Пытаюсь понять, где может быть его местонахождение. Не вспомнить.

Размышляя, я подхожу к окну. Вижу, что перед моей парадной припарковался автомобиль ППС. Интересно, по мою ли душу? Скорее всего, Юра попросил подежурить до ожидания результатов. После -получение ордера на осмотр квартиры и взятие меня под арест при необходимости. Это здравый смысл.

Долго не думая, я выбиваю замок при помощи ноги. Дверь

тонкая и полая внутри, поэтому мне это легко удаётся. В комнате темно. Окно заклеено намертво черной пленкой. Включаю свет, зрачки сужаются, и я немного приоткрываю рот...

3

Может, всё-таки стоило попытаться переплыть реку. Понимаю, что вряд ли я бы справился и чувствую, что это был бы не самый плохой вариант. Смерть была бы самым лёгким способом избавиться от грядущих проблем, а ведь, по правде говоря, что я потерял бы? Абсолютно ничего.

Сегодня я размышляю, куда мне податься. К моему огромному удивлению, я не понимаю, откуда взялись все эти фотографии на стенах. Каждая из них переплетена красными нитями, переходящими от одной к другой.

Вот и фотографии всех этих мальчишек и девчонок, они заняли место на правой стене. Здесь на их лицах широкие улыбки, они не подозревают, какая судьба им уготована. Вот нити от них идут к их родителям, они спокойны, не такие, какими я их видел после... Они скорее походили на ходячих мертвецов во время наших последних встреч. Кого-то тоже уже нет в живых. Мало кто способен противостоять тем демонам, что рвутся наружу после утраты самого дорогого, что есть у нас. От родителей нити тянутся далее, к ближайшим родственникам, ничего подозрительного не вспоминаю.

Перехожу на следующую стену. Там есть фотографии и имена тех, кто так или иначе причастен к их гибели. Мы взяли одного из них по горячим следам, а тот тут же сдал своих подельников, которые полностью признали свою вину. Крас-

ные нити идут от них куда? Откуда у меня эта информация, и когда я ее сумел раздобыть?

Я сажусь на табуретку, что стоит посреди комнаты. Все те фотографии, чьи лица я уже видел, висят чуть выше. Тот адвокат, те люди, чьи интересы он защищает. И вот теперь прокурор, что так же выносил вердикт тем маньякам. То, что те ублюдки не дожили до приговора – это, конечно, избавило их от более сурового наказания. Думаю, так или иначе их ждала бы та же участь, только сокамерники, думаю, успели бы сделать так, чтобы каждый из них почувствовал такую боль, которую они заслужили. Но главное не то, а тот факт, откуда у меня информация об этих людях. Все эти фото говорят лишь о том, что я могу быть причастен к этому делу, тем более если моя ДНК будет на тех окурках.

Именно сейчас ко мне потихоньку приходят воспоминания о том, что я запер эту дверь, стараясь позабыть о тех днях. Помнил я их до тех пор, пока кто-то не вырубил меня четким и молниеносным ударом по голове в том подвале.

Я достаю телефон и фотографирую всё то, что вижу на стенах. Самое главное, что там есть ещё несколько фотографий тех, к кому в скором времени придется заглянуть.

Конечно, жизнь не предсказуема, и кому-то и я, возможно, насолил тем, что не исполнил обещание, что не добрался до истины. И кому-то сейчас нужно найти козла отпущения и, видимо, это я. Тем самым и я познаю боль. Но кто мог раздобыть информацию об этих людях, и кто именно виноват в

гибели тех детей? Мне остаётся только одно. Вспомнить то, о чем я вдруг внезапно позабыл.

Думаю, Юра навряд ли мне позвонит. Зачем ему предупредить меня об этом. Я собираю всё со стен, включаю вытяжку и газовые конфорки. Всё это нужно сжечь. Перед тем как начать, я подхожу к окну и вижу, что к одной из патрульных машин присоединилось ещё две. Быстро же они работают!..

Бежать от проблем и сложностей. Я никогда этим не занимался, ведь они рано или поздно настигнут любого в самый неподходящий момент. Нужно сразу же решать любой вопрос. Я усвоил это с детства, и научил меня этому мой отец. Все основные черты характера закладываются в нас с самого детства. Страх – это основная проблема большинства, и лишь каждый из нас выбирает путь, бороться с ним или же нет.

Я сижу прямо напротив своей входной двери. Я мог бы перебраться через чердак на крышу. Почувствовав себя героем какого-либо боевика, попытаться перепрыгнуть с дома на дом, тем самым пытаюсь уйти от погони и прочее. Но всё это полная ерунда. Я знаю, что меня найдут, я знаю, что постараются обвинить во всех преступлениях, ведь вся наша система именно так и работает.

Я притаился и сосредоточился. Прислушавшись, я услышал, как наряд поднимается по лестнице, а кто-то из них уже стоит прямым за дверью. Раздаётся звонок.

Я встаю и подхожу к двери, я расслаблен. Мне не стоит спрашивать, кто там, да и, в принципе, у меня никогда не было такой привычки. Щелчок, второй – и я отворяю дверь.

На меня не нацелены стволы пистолетов, но у каждого рука лежит на рукояти в открытой кобуре наизготовке. Все зна-

ют меня и понимают, что я вряд ли буду сопротивляться, но, как говорится, бережёного Бог бережёт.

– Ребят. Юра мог бы позвонить мне, и я бы подготовил вещи.

– Да, Семён. Но у нас ордер на осмотр твоей квартиры. Юрий Алексеевич сейчас подъедет вместе с группой криминалистов.

– О как. Ну хорошо.

– Ты пока собирайся, поедем в отделение.

– Основание?

– Об этом ты поговоришь со следователем.

Я понимаю, что происходит. И, в принципе, мне остаётся только подчиниться им. Я надеваю куртку и шапку, после чего подхожу к выходу из квартиры.

– Что-то пахнет горелым?

– Каша подгорела, – улыбаюсь я и выхожу.

Я спускаюсь по лестнице, двое в форме следуют со мной. На выходе ещё несколько человек, которые должны охранять каждый из выходов. Я чувствую, что кто-то намеренно хочет, чтобы я был виновным во всём этом. Осталось лишь разобраться, кто это?

Открыв дверь парадной, я вновь ощутил этот влажный, промозглый воздух. Я сделал глоток, другой. После чего мне так захотелось прикурить, что терпеть не было сил.

– Ребят. Не возражаете, если покурю пока что.

– Да, Леонов. Конечно, – отвечает один из патрульных.

Вот она, раковая палочка. Она так или иначе погубит мою жизнь. Только вот как это произойдёт? Мой путь к смерти будет долгой и тяжелой прогулкой? Или мне повезёт, и всё это произойдет быстро и незаметно?

Я вдыхаю дым. Снег с дождём усиливается, а мне так хорошо, когда я обращаю свой взор к серому и мрачному небу. Каждая снежинка и капля будто охлаждает меня, будто даёт ощущение, что я всё ещё живой и способен чувствовать.

Интересно, как она отреагирует на то, что меня не станет в ее жизни, и вообще кто она на самом деле? Я не помню ни черта, кто она и где живёт. Я лишь знаю одно, она меня спасла в тот день, но ради чего? Неужели ради того, чтобы я помучался ещё немного перед тем, как уйти...

Этот кабинет мне знаком. Сколько дел я вёл, сидя на стуле напротив в качестве оперативника. Смешно, жизнь всё-таки странная штука. Она будто измывается, шутит. Она словно ребенок, в любой миг может что-то построить и мгновенно разрушить, чтобы создать заново, но это не всегда хорошо.

Юра сидит напротив, читает какие-то документы, боится встретиться со мной взглядом. Я тоже молчу, мне нечего сказать ему. А я помню, как мы, ещё будучи молодыми и упертыми, сидели здесь и играли то плохого, то хорошего на тот момент милиционера. Нам было весело ломать, разрушать чьи-то жизни, даже при том, что человек не всегда был виновен. Мы заставляли их признавать вину, убеждали в этом их и судей, дабы поскорее закрыть дело и получить за это надбавку к зарплате. Да, столько говна, к которому привыкаешь и делаешь это на автомате. Но только лишь пока, что-то в корне не меняет твою жизнь.

– У меня плохие новости для тебя. Твоя ДНК обнаружена на тех окурках, что мы изъяли с последнего места преступления. – Он глубоко вздыхает, я вижу, что ему тяжело говорить об этом. – Где ты был прошлой ночью?

Я смотрю на него, вижу печаль в его глазах.

– Я не смогу точно ответить тебе. Знаю одно, что был у той девушки, с которой недавно познакомился. Но после травмы

головы у меня случаются провалы. Я был у неё, после уже проснулся дома в своей постели.

Он смотрит на меня, словно разговаривает с психом.

– Ты можешь с ней связаться? Её имя?

Я напрягаю извилины. Имя? Как же ее зовут? Я не помню.

Может быть, в телефоне?

– Нужно глянуть в телефоне, там ее номер и имя точно должны быть.

Юра открывает ящик и достаёт мой телефон, он упакован в полиэтилен.

– Наши спецы изучили его и просмотрели всю записную книжку, кого следует, обзвонили. Там нет ни одного нового номера. Что с тобой происходит? Почему ты убил всех этих людей?

Я улыбаюсь. Давление, эффект неожиданности. Прямой вопрос.

– Не стоит считать меня за идиота!

– Да, а тогда расскажи, чем ты занимаешься по ночам? Где бываешь? Мне нужна информация за последние несколько месяцев. Ты даже по голове получил, но из подвала никто не выходил! Патрульный был там. А что насчёт книг! У тебя найдены в квартире схожие книги, что присутствовали в первый же день, когда было найдено первое тело! Семён, я хочу помочь тебе! Опиши хотя бы ту девушку, с которой ты встречаешься!

Я задумываюсь, после чего начинаю описывать её.

– Невысокая, примерно метр шестьдесят пять, стройная шатенка с густыми вьющимися волосами примерно по плечи. Работает в отделе судебной психиатрии по-моему.

Юра снова смотрит на меня, словно на умалишенного.

– И где вы в первые с ней встретились?

– Как-то поздним вечером на набережной.

Юра вновь тяжело выдыхает и, мотая головой, обхватывает ее руками. После встаёт со стула и поворачивается к окну.

– Тебе нужна помощь, Семён. Очень нужна.

– В каком смысле?

– Ты хоть понимаешь, кого ты только что описал?

Я задумываюсь. В моей голове начинают мелькать какие-то фрагменты. Набережная. Моя смена, полицейские мигалки.

– Ты описываешь Татьяну.

– В каком смысле?

– Ты описываешь свою погибшую жену! Идиот! Она утонула в Неве год назад! Она была в положении! И покончила с собой на набережной! Почему ты мне не говорил о том, что у тебя начались проблемы? Я же ведь твой друг!

Он поворачивается ко мне, его глаза воспалены. Что же происходит со мной?..

Закрыться в клетке навсегда и не отыскать ни одного из ответов? Это очень просто. Я лучше выберу гибель, чем истощающее шатание из угла в угол в камере три на три, каждый день, каждый час и каждую минуту ломая свою голову пытаясь понять, что происходит. Я устал и хочу отдохнуть, но прежде я обязан отыскать ответы на интересующие меня вопросы.

– Ты понимаешь, что тебе грозит? Тебя упекут до конца твоих дней, несмотря на заслуги!

Какие могут быть заслуги? Это всё вымысел. Мы герои только на бумажках, а по жизни просто никто.

Я смотрю на Юру. Вижу дрожь в руках. Мои спокойны. Интересно, почему? Ведь мне периодически приходилось успокаивать ее, держа другой рукой, до тех пор, пока спазм не пройдет.

– Ты просто должен доказать мне сейчас, где ты был в дни, когда были совершены эти убийства!

Я пожимаю плечами. Он отворачивает голову в сторону.

– Нужно давить на твою неувяемость. Мы отправим тебя на психоневрологическое освидетельствование, тебе нужна помощь. Нужно продлить время, иначе тебя заберут на разработку они. А там уже выхода не будет!

Я понимаю, о чем он. Думает, что я повернулся. Скорее

всего, он прав, потому что я и сам не знаю, кто я теперь. Почему-то в моей памяти Таня живёт со своим мужем и детьми, жива и здорова. И она никак не похожа на неё, на ту, что я встретил на набережной. А как ее зовут? И где она живёт? Что со мной? Нет, мне нужны ответы и как можно скорее.

– Прости, Юра!

Он поднимает свои глаза. В этот миг я не теряю ни минуты. Резким движением я хватаю его за голову и со всей силы бью лицом о столешницу. Затем ещё раз и ещё для пущей уверенности.

Я чувствую, что его тело обмякло, а на столе растекается лужица крови. Нос, по-видимому, ему придется ремонтировать. Но думаю, что он простит меня за это.

Я обшариваю его карманы. После нахожу ключ от наручников, перевожу взгляд на дверь. За ней стоит один из молодых патрульных, что ждёт момента, чтобы отвести меня в изолятор.

Я на втором этаже. Времени мало, но я знаю это здание как свои пять пальцев. Становлюсь за дверным полотном и произношу.

– Можно забрать!

Молодой полицейский реагирует на мой голос по привычке и не задумываясь заходит.

Я закрываю за ним дверь и бью его по затылку одним из кубков, что стоял на антресоли у стенки. Тот падает без чувств.

Итак, теперь нужно просто сохранять спокойствие. Я беру куртку Юры. Она немного маловата мне, но это всё-таки лучше, чем замёрзнуть на улице и умереть раньше времени.

Я открываю дверь кабинета и спокойно выхожу в общий коридор. По привычке мне отдают честь младшие по званию, пока я своим обычным шагом не спеша двигаюсь к лестнице ведущей на первый этаж.

– Леонов!

Вот чёрт! Я узнаю этот голос и оборачиваюсь.

– Семён! Ну что там по тем убийствам?

Валентин, участковый, протягивает мне руку. Я протягиваю свою ему и пожимаю её.

– Пока тишина.

– Слышал, что были ещё убийства. Вот говорил тебе, что нужно оформлять это всё как суицид. И проблем было бы куда меньше!

– В следующий раз послушаю тебя, Валя!

Он улыбается мне, и я понимаю, что он ещё не о чём не в курсе.

– Вот видишь! Мудрость приходит не всегда с возрастом!

– Полностью согласен с тобой! Мне пора.

– Ну бывай! Увидимся!

На другом свете. Я отворачиваюсь и продолжаю свой путь.

Я выхожу через задний ход. Там стоят и курят патрульные. В первую секунду я вновь ощущаю этот воздух, он знаменует мне свободу, и мне не хватает лишь одной детали. Я подхожу

ближе к мужикам и прошу прикурить. Они угощают меня сигаретой, и ко мне приходит понимание. Это моя последняя сигарета. Теперь до конца своих дней я не притронусь ни к одной из них!

Я покидаю участок. С каждым шагом уходя всё дальше и дальше, а мои следы прикрывает мокрый снег, что накладывается на асфальт плотным слоем. Вот и он нашёл своё предназначение в моей жизни. А ведь не всё так плохо...

Часть пятая

1

Я стою на том самом берегу. Светит солнце, но это ненадолго. Я вижу, как со стороны Финского залива надвигается что-то темное. Скорее всего, в ближайшее время этот город настигнет очередной шторм. Мне, как и большинству жителей этого города, не привыкать к стихиям. Сегодня я открыл для себя несколько ответов на вопросы, которые в последние несколько часов делали всё возможное, чтобы мой мозг попросту взорвался. И мне казалось, что это вполне реально. Скорее всего, это бывает с каждым, когда ты знаешь ответ и вроде бы практически ловишь его за хвост, но он всё ускользает и ускользает от тебя. В такие периоды кажется, что один из сосудов головного мозга вот-вот лопнет.

Не знаю, повезло ли мне, или же проще было, чтобы мозг взорвался, и мне пришёл конец.

Мои ноги каким-то образом повели меня самостоятельно. Понятное дело, что всеми частями наших тел управляет голова, но мне кажется, что со мной происходит совершенно всё наоборот. Мне всё никак было не совместить образ Татьяны с той, которую я встретил в тот день на набережной именно на этом месте, где я стою в ожидании стихии.

Я не знал, куда иду и зачем. В голове то и дело прокручивал полученную информацию о том, что на самом деле произошло. Почему мой мозг нарисовал совершенно другую картинку? Ответ прост, в моей практике я уже сталкивался с подобным, единственное отличие от моей ситуации было в том, что там люди убивали других людей и потом вполне осознанно говорили о том, что это были не они и полиграф подтверждал их слова.

ПТСР или посттравматическое стрессовое расстройство. Наш мозг, пытаясь помочь нам справиться с болью как физической, так и психологической, способен на многое. К примеру, поймав пулю или же удар ножа, к примеру, в руку, наш мозг блокирует рецепторы, спасая нас от адской боли, так же как и после сильнейшего стресса он рисует совершенно другие картинки, избавляя нас от реальности. Конечно, можно быть ему благодарным за это, но иногда это приводит и к более серьёзным последствиям.

Куда же привели меня ноги? Всё просто. Пройдя пешком с десятков километров, я попал на южное кладбище. Прогуливаясь среди могил, я вглядывался в портреты, выгравированные местами искусно, местами не очень. Сколько же людей способна поглотить земля? Кто-нибудь, интересно, задумывался об этом? Я задумывался, и ответ – таки пришёл ко мне. Всё, по чему мы ходим, так или иначе состоит из нас самих же. Все мы умираем и практически всех нас предают земле, только вот мы неотъемлемая часть её же. Мы ходим

по своим же костям. Эта планета попросту питается нами, как удобрением.

В одном из портретов я узнал её. Мои ноги замерли. приведя туда, куда именно было нужно. Рассматривая её лицо, я словно провалился. Ноги размякли, и меня будто бы понесло в самую преисподнюю. Я отключился, не знаю, надолго ли, у меня ведь теперь нет возможности следить за временем и прочее, да и это было уже неважно. А важно было другое: очнувшись, я понял, кто я есть на самом деле. Стало ли мне легче? Наверяд ли. Скорее наоборот, лучше бы я оставался в неведении, но так или иначе каким-то образом я понял, что моё стремление в тот день попробовать переплыть Неву было совершенно оправданным действием! Но она спасла меня. Для чего? Ведь я совершенно не тот, за кого выдавал себя в последнее время...

Ветер начал усиливаться. Я вижу белую мглу, что принялась накрывать северную часть города, приближаясь ко мне. Сейчас накроет и меня. Страшно ли мне? Совершенно нет. Я тот, чьи дни уже сочтены, а какой человек самый страшный? Правильно. Тот, кому больше нечего терять!..

2

Я вновь ожидаю её, совсем не подозревающую, что ее ждёт. В промозглом воздухе я рисую выдыхаемым паром узоры. Совсем недавно я делал это сигаретным дымом, но уже полдня, как я в завязке. Тяжело ли мне? Не очень. Ко мне приходит понимание того, что я человек независимый. Так или иначе всё это лишь придурь, которую, если захотеть, то можно контролировать.

Зависимости – кто всё это придумал? Да сами мы. А для чего? Чтобы тешить своё самолюбие. Мы настолько научились убеждать не только себя, но и окружающих в том, что всё это нам необходимо и что без этого жить ну уж никак нельзя. Смешно. Мы, усугубляясь в ту или иную порочную зависимость, делаем это самоотверженно, самостоятельно. Нас никто не может ни в чем убедить, если мы сами того не пожелаем. Остальное всё лишь отговорки, чтобы не признавать себя виноватым. Мы совершенно осознанно стремимся к самоуничтожению, мы хотим этого, нам это нравится, но, подходя к преисподней, вдруг осознаём, что боимся, после просим помощи у окружающих. Затем мы избавляемся от пагубных привычек и возносим себя на пьедестал почёта. Мол, смотрите какой я молодец! Полюбуйтесь. Всё это полнейшая чушь! Всем просто-напросто не хватает внимания, будь то близких нам людей, будь то просто окружающих нас

незнакомцев. Все мы тонем в пучине несчастья, горести и самообмана. Так что на вопрос, рай или ад, ответ – нас всех ждёт скорее второе.

Я конкретно подзамёрз. Куртка Юры была маловата и не по погоде. Вьюга, что накрыла Петербург, ушла так же стремительно, как и пришла, но сумела заставить содрогнуться весь город.

Интересно, а если она и вовсе не придет. Свет в окнах не горит, а в парадной находится совсем не вариант. Как говорится, бережёного Бог бережёт! А сейчас, скорее всего, весь город поднят на уши, конечно же, неофициально. Ведь вряд ли жителям хотелось бы узнать о том, что на свободе рыщет маньяк в погонах, сбежавший из участка.

Я подношу ладони к своему рту и прислоняю к губам. Пальцев я практически не чувствую, но дыхание позволяет ощутить небольшое покалывание мягких тканей.

Наконец, я вижу знакомый силуэт. Изящной ее не назовёшь, но в целом для своих лет она хорошо выглядит.

Она подходит всё ближе и резко останавливается.

– Ты чего не позвонил?

– Здравствуй, Лола, – я пытаюсь улыбнуться и чувствую, как мои зубы колотятся друг о друга.

– Что случилось?

В ответ я смотрю на ее окна, и она понимает меня без лишних слов.

Она начинает движение к входной двери, и я следую за

ней, предварительно оглядевшись. Всё спокойно. Теперь у меня есть время.

Тепло пронзило болью все мои конечности. Меня затрясло, и я увидел ее напряжённый взгляд.

– А если бы я была не одна?

– Боюсь, тебе придется пока взять больничный. Конечно, всё будет компенсировано.

– Это само собой! – произносит она и помогает мне раздеться.

– Я включу воду в ванной, тебе следует согреться как можно скорее!

Она пытается уйти, но я останавливаю её, схватив за тонкое плечо. Она испуганно оборачивается.

– стакан водки с горстью перца!

Она опешила.

– Да, да. Сейчас.

Я падаю на скамью. Все мои конечности пронизывают тонкие и острые иглы. Они входят под кожу моих пальцев в районе ногтевых пластинок. Эта боль заставляет меня смеяться.

– Держи, – она протягивает мне стакан, и я залпом выпиваю его, даже не прочувствовав горечь. Наоборот, в этой ситуации тепло понеслось по моему горлу, после окутало желудок и, попав в кровь, понесло тепло по всем венам и капиллярам стремглав по всему телу.

– Теперь лучше.

Я отдаю ей стакан и прислушиваюсь к воде, что наполняет ванную.

– Ты объяснишь, что происходит?

Я киваю в ответ и улыбаюсь.

– Чуть позже. Только приведу себя в порядок.

– Ну как скажешь, – произносит она и садится рядом со мной на колени. На этот раз это не интим, а всего лишь забота женщины о мужчине, который когда-то отнесся к ней с той же заботой. Сняв с меня носки и джинсы, она помогла мне подняться и отвела в ванную.

Через пару минут я уже ощущаю себя совершенно иначе. Чувствую, что продолжаю жить, а именно это мне сейчас как раз таки нужно. Хотя бы ненадолго...

Недалеко от меня доносятся звуки церковных колоколов. Раньше я их не слышал. Интересно, сколько людей осталось на этом свете, которые не извращают саму идею церковного служения. Ведь уже ни для кого не секрет, что порой и сами церковнослужители порой грешат, да так, что нам и не снилось. На мой взгляд, цель всего этого было успокоить души, помочь в трудные мгновения, исцелить тех, кто слаб. Верю ли я? Я однозначно не могу ответить на этот вопрос, так как я не верю в саму жизнь. Для чего мы живём? Какие цели преследуем, кроме собственных интересов? Думаем ли мы о других? Готовы ли помогать от всей души нуждающимся или только чтобы казаться хорошими? Конечно, хотелось бы с каждым человеком на земле провести очную ставку. Допросить и узнать истину о том, кто же всё-таки готов думать не только о себе, но и об остальных окружающих. В последнее время я заметил, что появилось очень много литературы о том, «как полюбить себя и свою киску» – это я образно, но сути это не меняет. Мы забыли все божественные учения, кто из нас читал хоть раз Библию? Кто задумывался о том, чему испокон веков учили нас наши предки? А ведь они обладали большей мудростью, чем мы. Может, пора уже заканчивать это безобразие, связанное с эгоизмом? Люди, я призываю к вам! Оглянитесь и одумайтесь, пока ещё не слыш-

ком поздно.

– Ты меня слышишь? – ее голос был взволнован, и на то были причины.

– Да, я с тобой. Спокойно заходи в парадную, будто к себе домой.

– А если...

– Никаких если. Просто заходи и не оглядывайся.

Я слышу через динамики наушников, как тяжело она дышит, затем звон ключей и характерный звук домофона.

– Я внутри.

– Теперь молча поднимайся на мой этаж. Если на лестничной площадке кто-то будет, просто достань сигарету и закури, будто ты поднялась именно за этим на этаж. Не отвечай мне, пока не попадёшь в квартиру. Там свет не включай, как и условились, так же, как и фонарик. Используй только свет от экрана телефона.

Я слышу, как вновь зазвенели ключи, затем послышались щелчки и скрип отворяемой двери. Затем ещё один щелчок, говорящий о том, что дверь закрылась.

– На лестнице никого, я в квартире. Куда мне теперь? Ты помнишь, что я подписалась на это всё только из-за денег!

Я усмехнулся.

– Да. А я думал, от большой любви!

– Ха-ха. У тебя здесь неприятный запах.

– Это неважно. Сейчас у тебя другая задача. Освети пол коридора.

– Да, что я должна увидеть?

– Отсчитай тринадцатую половицу по левому краю от начала.

Я слышу, как она шёпотом начинает отсчёт.

– Готово.

– Хорошо, теперь возьми связку ключей, один из них длинный и тонкий, им нужно поддеть половицу за край и выдвинуть её.

Вновь зазвенели ключи, её дыхание изменилось, было слышно усердие.

– Плотно она прикована к полу! – она говорит это с натяжкой.

Затем я услышал щелчок и ее удивление.

– Сколько же здесь?

– Достаточно, чтобы ты забыла об этой профессии.

– Откуда у тебя такие деньги?

– Лучше тебе не знать. Загружай их свой рюкзак.

По шебуршанию я понял, что процесс пошёл. В этот же миг я увидел, как один из сотрудников вышел из автомобиля. Я пригляделся. Тот закурил и, облокотившись о капот, встал лицом к парадной.

– Всё готово. Ой, подожди. Здесь...

– Да, и его тоже возьми.

– Тяжёлый. А если...

– Просто возьми всё, что следует, и уходи оттуда.

– Я поняла.

Я пристально всмотрелся в патрульных. После потихоньку начинаю шагать в их сторону. На улице темно, поэтому разглядеть меня им навряд ли удастся. С момента моего побега прошло несколько дней. Я успел вкратце объяснить Лоле то, с чем мне пришлось столкнуться, и, к моему удивлению, она согласилась мне помочь. Я должен был как-то отблагодарить её, поэтому пришлось пойти на этот отчаянный шаг. Ей нужны деньги, а у меня со временем накопилась кое-какая сумма от дел, о которых лучше попросту не вспоминать. Готов ли я начать жизнь заново? Готов ли измениться? Думаю, что вряд ли. Мы те, кто мы есть, а люди не меняются, только если с их головой не произойдёт каких-либо метаморфоз, как, к примеру, у меня. На что мне грешить? На удар по голове? Или же раньше я начал слетать с катушек. Мне до сих пор было неизвестно. Знаю я лишь одно: что Татьяна, узнав о моих промыслах, вынесла себе смертный приговор, поэтому винить во всем можно лишь меня самого. Смогу ли теперь я жить дальше? И можно ли вообще это назвать жизнью? Вряд ли.

– Я выхо...

Она вскрикивает, и происходит грохот.

– Алло, Лола! Лола, что там?

Затем слёзы.

– Здесь, здесь на кухне кто-то.... Кто-то... Висит...

Вот она, судьба грешника. Отвечать за проступки прошлого так или иначе придется каждому. От прошлого не убежать, сколько бы сил вы ни потратили. Остаётся лишь одно: либо решить проблему окончательно, либо же отдаться воле случая.

Я вижу, как свет моргнул в одном из окон. Заметил это не только я. Один из патрульных открыл дверь и сказал что-то второму. Тут и дураку было понятно, о чём речь.

– Я ведь сказал, не включай фонарь! Тебя засекли.

– Это, это какой-то паренёк. Меня сейчас вырвет.

– Не смей! Уходи скорей оттуда!

Я услышал ее шаги, она второпях попыталась покинуть квартиру. Ее дыхание было учащённым. Я перевёл взгляд на патрульных. Они, вооружившись, кинулись к двери. Скорее всего, они уже сообщили о случившемся. Остаётся только действовать.

Я перебегаю через проезжую часть. Быстрым шагом иду за ними следом. Прячусь за углом дома. Всматриваюсь. Один из них, скорее всего, останется внизу, второй будет подниматься.

– Лола! Лола! Не спускайся! Поднимись выше к двери, что идёт на чердак. И замри.

– Что? Что ты говоришь?

– У тебя гости, возвращайся обратно.

Я слышу, как она застонала, но, видимо, послушалась. Делать нечего, минут через десять здесь уже будет вооружённая толпа. Нужно действовать. Я просчитался!

Резким движением я открываю дверь. На меня уже нацелен пистолет, но я знаю, что делать. Так или иначе процентов в двадцати только кто-то открывает огонь с первых секунд. Ведь за каждый выпущенный патрон необходимо потом долго отчитываться. Я выбиваю оружие из его рук и бью патрульному прямо в кадык. На вид ему не больше тридцати лет. Его дыхание останавливается, раздаётся тяжёлый хрип. Я, пользуясь моментом, сбиваю его с ног, после чего добиваю ногой по челюсти.

– Лола, что ты видишь? – я шепчу, вооружившись.

– Он зашёл в квартиру.

– Когда увидишь меня, убегай по лестнице вниз. После того как выйдешь на улицу, иди спокойно через подворотню! Только спокойно.

Я поднимаюсь вверх по лестнице, вижу ее притаившуюся. Даю сигнал спускаться. Она, напуганная, спускается вниз. Я приоткрываю дверь и стреляю.

После раздавшегося стоны я вижу, как из плеча второго патрульного хлынула кровь. Он упал на пол. Я резким движением отбиваю пистолет ногой, и он улетает в другой конец кухни гостиной.

– Ты в заднице, капитан!

Я не обращаю внимание на него, а лишь включаю свет, чтобы разглядеть, кто же висит подвешенный через крюк на кухне. Свет загорается, и я узнаю его.

После раздаётся глухой звук сирен. Я прихожу в себя. А наушниках я уже не слышу ни прерывистого дыхания, ни других звуков. Оставалась лишь надежда на то, что ей удалось уйти.

На выходе из квартиры я уже слышал шаги и переговоры. Я стреляю в воздух. Они останавливаются. Далее я смотрю на дверь на чердаке, вижу навесной замок. Поднимаюсь и стреляю. Он разваливается, и вот я уже практически на крыше. Сейчас очень скользко, но у меня нет другого выхода. В детстве я часто с пацанами прыгал через них, конечно, за столько лет моя физическая форма изменилась, но выбирать не приходится.

Разбежавшись, я делаю прыжок. Я закрываю глаза, но жизнь не проносится у меня перед глазами, а действительно ли так бывает? Откуда вообще люди взяли эту информацию? Ведь после смерти жизни больше нет.

Я приземляюсь, в правое бедро будто бы втыкают острое лезвие ножа. Я сдерживаю крик, но из глаз брызжут слёзы. Проматерившись про себя, я оглядываюсь. На крыше моего дома стоит знакомый силуэт.

– Лучше остановись! – доносится его голос. Я поднимаюсь, боль потихоньку уходит, но думаю, что, скорее всего, это адреналин помогает. Сквозь темноту я вижу его глаза,

его нос заклеен пластырем, а в его руках оружие, скорее всего, снятое с предохранителя.

Я отрицательно мотаю головой.

– Я ведь выстрелю в тебя!

Я верю ему. Юра и я – мы отличались от этих новичков. В нашем случае выстрелить, а после отчитаться как надо проще простого.

Мы смотрим друг на друга так пристально, и я замечаю, что что-то с ним не то, что-то изменилось.

– Верни мне моих дочерей! Где они? И я клянусь, отпущу тебя!

– О чём ты?

Он взмахивает пистолетом, после чего уже переходит на крик.

– Не прикидывайся, сука! Где они?

Раздаётся выстрел, и с моей душой что-то происходит...

Насколько мы знаем себя? Насколько можем контролировать свои действия? Доверять? На что вообще способен человек? И что нас сдерживает? Всю жизнь, что существует создание под названием человек, шли войны. И суть не только великих и мировых конфликтах. Это немного другое. Мы не способны жить рядом друг с другом, всё, что нас сдерживает – уголовный кодекс. А что, если ты и есть закон? Что, если ты знаешь все его лазейки и способен вершить судьбы остальных? Я скажу вам, что это значит. Это значит, что человек, осознавший это, принявший этот путь, становится самым опасным зверем, что когда-либо существовал на этой богом забытой земле.

Когда Юра упал, моя душа перевернулась. По мне тут же открыли огонь остальные полицейские. Я, долго не думая, кидаюсь прочь, я знаю, куда идти, куда бежать, но вот знает ли она? Она появилась из ниоткуда, бросив пистолет в сторону, она встала как вкопанная и не шевелилась. Резким движением я повалил её, и мы скатились вниз по металлической черепице.

– Ты что сделала? А? Я тебя спрашиваю!

Лола пребывала в шоке, впрочем, как и я сам. Она вернулась. Вернулась за мной, несмотря ни на что! Если честно, то я не помню кто ещё делал ради меня такой шаг. Казалось бы,

простая шлюха оказалась смелее, чем большинство из тех, с кем мне приходилось работать.

Я беру её за руку, мы бежим по краю крыши, перебирается в следующий дом, напрямиком через чердак. Боль ушла совсем, но чувствую, что ненадолго, главное, чтобы хватило времени выбраться.

Добежав до люка, что вел с чердака, я открываю его. Выглядываю. Никого.

– Быстро вниз!

Я скидываю Лолу. Затем спрыгиваю сам. Мы оказываемся в длинном светло-зелёном коридоре одного из общежитий. Я вижу пожарную сигнализацию. Разбиваю стеклянный короб и нажимаю тревожную кнопку. Тут же из комнат начали выходить люди, на их лицах были вопросы.

– Горим! – крикнул я, и тут же началась паника.

Не успев спуститься и на один этаж, увидел, что все коридоры заполнились напуганными людьми. Это хорошо. Теперь у нас есть шанс уйти.

Я держу её за руку. У меня на миг возникает чувство, что мы становимся как единое целое, обхватив ладонями друг друга.

На первом этаже я оглядываюсь. Толпа расходится на две группы, выбегая из двух пожарных выходов. Через главный народу больше, так что и мы идём за ними. Пригнув головы, мы проходим мимо патрульных автомобилей и скрываемся

за углом. Я вижу, как один из автобусов подъезжает к остановке. Мы устремляемся туда. Его номер мне незнаком, да это сейчас и не столь важно, главное – просто смыться отсюда.

Мы забегаем в открытую дверь, я оглядываюсь, за нами никого в форме. Я выдыхаю, когда автобус трогается, и перевожу взгляд на неё. Ее трясёт, глаза потеряны, лицо побледневшее. Я понимаю её, но в данный момент мне приятно, что она спасла меня. Остаётся узнать лишь, почему, но и это подождёт. Главное сейчас – это залечь на дно...

Часть шестая

1

Я закрываю глаза и чувствую тепло. Оно наполняет меня, вода, что плотной струёй пытается смыть с меня все мои прегрешения, не является панацеей. От моего недуга нет лекарства, я не способен на искупление, да и кто мне позволит. Всё то, чем я жил до этого, настигло меня, как бы я ни верил в то, что останусь безнаказанным. Кто я на самом деле? Я не могу дать однозначного ответа на этот вопрос, так как не знаю сам. Что изменилось? Когда я потерял связь с реальностью? Я считаю, что не так давно, но на самом деле не могу вспомнить точной даты. Когда не стало Татьяны? Что повлияло на совершение этого поступка? Я знаю ответ, но не хочу признавать это. Причина во мне и только во мне. Я связался с самим дьяволом, продал ему душу, а теперь приходится отвечать за это.

В дверь ванной доносится стук. Я включаю воду.

– Ты будешь кофе?

– Да, спасибо.

– Хорошо, ставлю чайник.

Я подхожу к зеркалу, протираю белёсую пелену ладонью. Тонкие потёки воды искажают моё лицо. Я не знаю, кто я,

но знаю, что именно меня ждёт в конце. Моя душа нависла над преисподней, и вот-вот провалится туда, откуда выхода уже не будет никогда.

Я покидаю ванную комнату. Открывая дверь, я чувствую яркий кофейный аромат. Я замечаю, что мои чувства обострились ещё больше, после того как я бросил курить. А это не так сложно, как казалось мне раньше.

Я захожу на кухню и сажусь на табуретку. Лола не оборачивается, но видно, как ее руки всё ещё трясутся. Она оборачивается и протягивает мне чашку, немного проливая кофе на стол.

– Ты не убила его.

– Да откуда тебе знать! Там было темно! И зачем только я вернулась! Не понимаю.

– Ну, скорее всего тебе я небезразличен, – я улыбаюсь.

– Да мне начхать на тебя! – вскипает она. – Что теперь делать? И кто это был в твоей квартире?

– Давай постепенно задавать вопросы, а я буду отвечать на них!? Присядь, пожалуйста.

Она слушается, видимо, тому способствуют издержки ее профессии.

– Ты попала ему в плечо. Пуля прошла навывлет. Так что жить будет. Следующее: тот, кто висел у меня в квартире, это сын одного из людей выдающихся. А что касается делать дальше? Тебе нужно уезжать. Деньги есть, поэтому тебе просто нужно уехать как можно дальше.

– Как уехать? Куда?

– На том стволе твои отпечатки, ты есть в нашей картотеке, так что в твоей квартире сейчас, скорее всего, уже идёт обыск.

Я делаю глоток кофе.

– Я ведь велел тебе уходить! Зря ты вернулась.

– Так если бы не я, то ты бы уже сидел в камере или тебя вообще убили бы.

– Да и что с того. Тебе ведь начхать! – я улыбаюсь ей, она прячет взгляд.

– Ты единственный, кто относился ко мне хорошо. Я не могла просто уйти. Тот паренёк, что был... тот, что висел. Откуда он там?

Я пожимаю плечами.

– Тебя кто-то хочет подставить?

– Видимо, да, и ему это явно удаётся.

– Есть варианты, кто это может быть?

Я мотаю головой.

– На самом деле их великое множество. Но сейчас меня больше беспокоит другое. Юра прокричал о том, что его дочери пропали. Получается, что кто-то потихоньку забирает наших детей, а началось всё с меня.

– Расскажешь? Я ведь умею слушать, ты знаешь это.

Я вновь улыбаюсь. А ведь это правда, она не лучший собеседник, но слушать умеет как никто другой.

– Некоторое время назад мы начали получать обращения

к нам в отдел о странных находках. Эти находки были не столько странными, сколько пугающими. Кто-то избавлялся от детей, расчленив их и распространив по районам в мусорных бачках. Картина не из приятных, скажу я тебе. Копнув поглубже, выяснили, что эти дети числились как пропавшие без вести. Чьи-то личности удалось восстановить по останкам, чьи-то до сих пор являются загадкой. Мы перевернули весь город в поисках причастных к этой дикости. Общались с родителями, после перевернули все значные места, пока не вышли на исполнителей. Их удалось взять, но вот до суда и следствия дело не дошло. Все внезапно покончили с собой, а дело в конечном итоге перешло в главк. Я не прекратил расследование и выяснил, что в нашем городе, как и в других, имеются подпольные педофильные клубы. Они строго засекречены и курируются... Курируются высшими чинами. Ты понимаешь, наш мир погряз в этой грязи. Все эти клубы, где избалованные до усрачки богатеи приходят для того, чтобы измываться над детьми, так как, попробовав всё, что можно на этом свете, уже не знают, чем себя ещё удовлетворить. – Я почувствовал, как в моих глазах зародились слезы. – Я рассказал об этом Юре, после чего со мной вскоре связались. Вся эта подпольная грязь приносит больше денег, нежели наркота или же простая стандартная проституция. Это большие деньги, большая власть с государственной поддержкой. Наш мир – он изменился до неузнаваемости. И правды не добиться.

– Эти деньги откуда?

Я киваю ей в ответ.

– Они пришли ко мне и сказали, что если я не отступлюсь, то все, кто мне дорог, погибнут, а я буду наблюдать за этим своими глазами, и они не дадут мне их закрыть, либо дадут столько денег, что забудешь о бедности навсегда и будешь просто жить. Юра тоже взял свою долю. Остальные не знали об этом. Как-то раз, напившись, я рассказал об этом своей жене, а через пару дней она утонула в Неве, забрав с собой и нашего неродившегося ребёнка. В их смерти виноват лишь я и только я. А сейчас кто-то измывается надо мной, так как именно я продался и не довёл дело до конца. Я попросту испугался того, что потеряю её, но судьбу не изменить. Кровь за кровь и никак иначе...

– Когда ее не стало?

Я улыбаюсь ей вновь. Только в тот день, когда я пришёл на кладбище, я понял, что не стало ее лишь..

– Я похоронил её около года назад.

– А ты говорил мне, что ты не был женат, когда мы познакомились.

Я пожимаю плечами.

– Ты знаешь, я сам только недавно осознал, что есть правда, а что вымысел. Просто шарики за ролики зашли...

2

Я так устал. Видимо, это как раз и сказывается на том, что у меня отсутствует чувство волнения. Всё уже практически закончилось. Я чувствую, что вскоре мы все придём к финалу этой истории, поэтому я делаю вывод: а стоит ли вообще что-то предпринимать? Куда мне идти и к кому податься? Сейчас, я уверен, весь город поднят на уши, и меня повсюду ищут. И, возможно, не только меня.

Я смотрю из окна. Вид на серый и мрачный двор несколько не угнетает меня. Я привык к этому городу, так же как и ко всем его ненастьям. Я не знаю, куда мне податься и какой путь выбрать. Ведь я хоть и на свободе, но стою на распутьи. Одна моя нога смотрит в сторону пожизненного заключения, вторая же в сторону виселицы.

Я ухмыляюсь, да, выбор не так уж и велик. Я смотрю вниз и вижу, как во двор въехал автомобиль. Должно быть, это была она.

Да, я вновь вижу знакомый силуэт и походку. Зачем же она помогает мне? Неужели я достоин такого внимания? И почему я доверяю ей, ведь она вполне может сдать меня полиции и спокойно продолжить своё существование. Остаётся только один вопрос: а жизнь ли это для неё?

Я слышу, как дверной замок проворачивается, отщёлкивая затвор. Я оборачиваюсь, она заходит в прихожую.

– Тачка у нас есть. Подруга ещё не скоро вернётся к вождению, поэтому одолжила мне её.

– Отлично. Лишних вопросов не задавала?

– Нет. Лишь пожелала удачи. Ты собрался?

Я вопросительно смотрю на неё, будто бы мне было что собирать.

– Ах, да. Прости. Как нога?

– Болит. Терпимо. Пора уходить с этой квартиры.

– Ты уверен? Ведь мы могли бы отсиде...

– Уверен. Я не очень доверяю твоим друзьям. Уж прости.

Я делаю несколько прихрамывающих шагов к куртке.

– Этот дом точно чист?

– Да, без проблем. И всего в сорока километрах от города. Думаю, что там будет попроще твоей голове, чтобы собраться с мыслями. И кстати. Моим друзьям ты не доверяешь, а как на счёт меня?

Я смотрю на неё и улыбаюсь.

– Ещё не решил пока что. Ладно, поехали.

Я выхожу за дверь, она закрывает ее за нами. На лестнице мне приходится упираться о поручень, дабы не напрягать ногу.

Внизу Лола первая выходит на улицу и подгоняет автомобиль напрямик к парадной. В такие моменты я радуюсь тому, что в этом городе большую часть времени сумерки.

Я запрыгиваю на заднее сиденье. Стёкла автомобиля тонированные, поэтому есть шанс, что я останусь незамечен-

ным на выезде из города.

Кого я напоминаю? Возможно, крысу, что бежит с тонущего корабля. И доля правды в этом есть. Ведь этот город давным-давно стал погружаться ко дну.

Начав движение, я поражаюсь тому, насколько моя спутница меняется. Хотя откуда мне знать, какой она была раньше? Я ведь знал ее только со стороны поведения в постели, а в остальном диалог между нами складывался, как между чтецом и его слушателем .

– Твои клиенты не будут беспокоиться о твоём внезапном исчезновении?

Она посмотрела на меня в зеркало заднего вида.

– Возможно, но вряд ли они подадут в розыск. -Она улыбнулась. -Как ты считаешь, твои коллеги уже ищут меня как соучастницу?

– Скорее всего. Но их первоочередная цель – это я.

Я оглядываюсь.

– Ты точно была аккуратна? За тобой не следили?

– Нет, а что?

– Поверни на следующем перекрёстке направо.

Ее взгляд вновь очутился в зеркале, после она включила поворотник, а я снял пистолет с предохранителя...

3

Инстинкт самосохранения работает, несмотря ни на что. Мы те же животные, что признали себя выше остальных существ, но сохранили практически те же инстинкты. Я словно чуткий волк, что видит и слышит больше, чем кто-либо из охотников, а самое большое моё преимущество в том, что я перестал бояться, так как терять мне уже нечего.

– Кто это?

– Точно не менты. Ты звонила кому-нибудь?

– Нет. Как я позвоню, если мне не с чего. Мы ведь избавились от телефонов. Кто это такие?

– Скоро узнаем, главное, не пытайся давить на газ. Нас они не тронут, пока мы не выберемся туда, где потише.

Мы выехали из города, пока на трассе было много автомобилей, и те, кто едут позади, не будут предпринимать никаких действий. Кто это мог быть? Всё просто, ответ я знаю. У тех, кто приходил ко мне тогда, есть все средства для того, чтобы отыскать кого угодно и где угодно, да такие, что нам, простым ментам, такое и не снилось.

– Через пару километров будет поворот налево, там ещё через несколько километров будет лесная дорога в сторону незаконного полигона с отходами.

– Что ты намереваешься сделать? Нас убьют? – ее голос задрожал.

– Возможно, но для начала им нужна информация, а, возможно, ещё на меня захотят посмотреть те, кто держит на меня зуб, а, возможно, они и убьют нас сами, своими руками..

– Заткнись!

Я улыбаюсь, решив немного поиздеваться.

– Поворачивай!

Лола резко крутит рулём, да так, что я ударяюсь о правую дверь.

Фары, что светят позади, повернули за нами.

– Как только повернём к полигону, жми на газ изо всех сил! Там будет много грязи, твоя задача заехать за кучу с отходами и спрятать нас за контейнерами.

Я оглядываюсь. Те, кто нас преследуют, уже поняли, что мы обнаружили их, но ведут они себя предельно спокойно.

– Поворот налево! Жми!

Лола слушается, после чего этот небольшой хетчбек вдавливают меня в сидение. Минивэн немного отстал.

– Может, выстрелишь по ним? – кричит Лола

– Чуть позже. Нужно экономить патроны.

– Как ты можешь быть таким спокойным? – прокричала Лола.

Автомобиль подпрыгивал на кочках, в салоне закружил знакомый запах сгнивающих отходов, что мы, люди, производим на свет. Дело в том, что здесь не только незаконные бытовые захоронения, но и тела тех, кого пытались скрыть навсегда.

– Выключай фары!

– Но ничего не будет видно.

– Ага, это нам как раз-таки и нужно.

Мы сворачиваем за один из контейнеров и резко останавливаемся.

– Выходи и беги в лес. Спрячься и выждидай. Если меня возьмут или убьют, то беги без оглядки. Возьми рюкзак и постарайся начать жизнь заново.

– Но..

Я поворачиваюсь к ней и сквозь темноту вижу ее глаза.

–Просто иди. Времени нет.

Лола выходит из машины, взяв с собой рюкзак. Фары осветили территорию перед контейнерами и застыли на месте.

Я вылезая из машины, дверь оставляю открытой, чтобы не обнаружить себя. Чувствую, как в ногу втыкается острие ножа, терплю. Слышу голоса и шаги, они рассредоточиваются.

Я тоже не стою на месте. Не спеша я захожу между контейнерами, после чего прислушиваюсь. Шаги распространяются по периметру. Остаётся только понять, на что я рассчитываю. В моей обойме всего десять патронов. Их человек пять и, скорее всего, эти люди – профессионалы своего дела.

Я ложусь на сырую мягкую землю. С неба начинает падать снег. К запаху я уже привык и практически его не замечаю. Я заползаю под контейнер и жду.

– Где нам его искать?

– Далеко он не мог уйти!

– Я говорил, что нужно было брать его раньше.

– Где? Прямо на шоссе? Ты долбанулся? И как бы мы его остановили, не привлекая внимания окружающих.

«Нет, всё-таки не совсем профессионалы», – подумал я и, приглядевшись и прицелившись, нажал на курок.

Время, проведенное на стрельбище, даёт о себе знать. Опыт, что я там приобрёл, всё-таки пригодился. Два тела упали, кряхтя. По моему мнению, одному из них я пробил грудную клетку, а второму пуля прошла через шею. Обоим осталось недолго, а вот в моем стволе всего лишь восемь патронов. Я меняю позицию, встав на ноги и не спеша двигаясь в сторону. Я слышу шаги, они уже не настолько уверенные.

Зайдя за другой контейнер, я услышал чей-то голос.

– Паша и Андрей жмуры, – произнёс кто-то.

– Бл... Он что, вооружен? Сука! Он где-то здесь.

– Послушай капитан. Лучше просто выходи! Иначе мы ведь тебя найдём, и будет только хуже. – Затем молчание. – Ты уже потерял одну из своих сучек? Мы обещаем ее не трогать! Твоя жена подохла не по нашей вине, но ты не сдержал свое слово, поэтому пора тебе к ней присоединиться. Только не сразу, для начала тебя хотят видеть, поэтому просто выходи, ведь твой конец уже предreshён.

Я слышу, как перезарядились стволы.

– У нас тоже есть оружие, мы ведь хотим мирно побеседо-

вать. Но ты как-то не по-людски поступаешь. Убиваешь людей направо и налево. Ведь тебя попросили успокоиться. Ты взял то, что тебе предложили. Так что придется ответить...

Я выстрелил и попал в район плеча. Только не знаю тому, что говорил, или нет.

– Ааа, больно. Сука! Этот ублюдок ранил меня! Он за контейнером! Ху.рь его!

Звуки разлетающихся патронов, пытающихся пробить толстый металлический контейнер, заставили меня упасть на землю. По-видимому, «калашников» делал своё дело, то, именно для чего он и был создан. Тяжёлая артиллерия, против которой я был бессилен. Интересно, и на что я рассчитывал? Не знаю. Семь патронов.

Огонь утих.

– Лучше выходи, капитан!

Неожиданно для меня раздался визг. Видимо, кто-то из них отправился следом за Лолой.

– Выходи, капитан! По-хорошему.

Затем выстрел. Крик. Тишина.

– Что там? Хрен знает. Олег сейчас придёт.

Шаги приближались, я вынырнул из-за контейнера и сделал ещё пару выстрелов. Эти ребята ушли от выпущенных пуль, спрятавшись за контейнером. Затем автоматная очередь, и огонь пронзает мою кисть.

Я взревел. Пистолет падает, и я наблюдаю за тем, как белая, тонкая снежная пелена темнеет.

– Ну вот и всё, – произносит один из них и выходит ко мне.

Его ствол нацелен прямиком на меня.

– Доигрался? Ооо, твою ж мать. У тебя, кажется, не хватает пары пальцев. Он освещает фонарём меня и мою руку.

– Сань, где ты там? – Тишина. – Олег? – он оборачивается. Фонарик уходит в сторону, а я ничего не вижу.

– Что за?... – его голос поменялся, горло будто бы наполнилось жидкостью, и послышалось бурление, как при полоскании.

Автомат упал так же, как и фонарь, вместе с его обладателем. Я проморгался, после чего поднял свой взгляд и вновь не поверил в то, что увидел...

Мы чаще предпочитаем тепло холоду. Но я не такой. Мне нравится сырость и мрак, холод и отчаяние. Это позволяет мне терпеть боль и не бояться погибнуть. Я понимаю, что периодически противоречу сам себе, но это всё связано лишь с инстинктами. Ведь их отсутствие приводит к необратимым последствиям. К примеру, в моей голове то и дело возникают мысли о том, чтобы закончить эту жизнь, но инстинкт самосохранения не позволяет прыгнуть в ледяную воду или же нажать на курок, приставив дуло пистолета к голове. Кто-то называет это трусостью, но это не так. Скорее, это искреннее желание найти хоть один ответ на гложащие меня вопросы.

Я сижу с пистолетом в левой руке. На стрельбище мы так же практиковали стрельбу с обеих рук, и это неспроста. Я лишился указательного и среднего пальца правой руки, так что теперь нужно будет перестраиваться.

Забавный факт, я смотрю на неё, вижу отсутствие пальцев, но чувствовать я их не перестал. Фантомы – они преследуют меня. Началось всё с тех детей, я видел их лишь на фотографиях и тяжело было представить их по останкам. Возможно, мои проблемы с головой начались гораздо раньше, чем я думаю, и гибель Татьяны лишь усугубила ситуацию. Откуда, например, мне знать, что правда, а что вымысел. Может быть, это всё лишь сон? Страшный сон, что вот-вот за-

кончится, и я проснусь. Увижу Татьяну, что лежит рядом со мной, почувствую тепло маленького тельца, что будет сладко посапывать на моей груди, это наш уже родившийся малыш, о котором я так мечтал. Я мечтал, но боялся после увиденного, понимая, насколько жесток этот мир. Все мы грешны, но некоторые и вовсе не достойны жить после сделанного.

Жизнь перевернулась, то, чему я бы сильно удивился ранее, сейчас уже стало привычным. Например, проститутка, которая уже второй раз спасает мою никчемную жизнь. И как ей это удаётся? Может, она тоже лишь плод моего воображения? Она запросто смогла убить троих человек! И откуда у нее оказался нож? И откуда она вообще знает, куда бить, чтобы нейтрализовать противника? Ей хватило нанести всего лишь по одному удару ножом в горло, чтобы положить каждого, да и тот выстрел, который она произвела? Чётко навывлет, задев, скорее всего, только мягкие ткани! Чушь. Просто чушь. Случайности бывают, но и в то же самое время я забываю о своём главном принципе: нельзя никому верить, прежде чем их не проверить.

За окном, в которое я сейчас смотрю, поле и лес. Всё это потихоньку накрывает снежным покровом. Красиво. В доме тепло, он скорее походит на дачный вариант, но в то же самое время он далеко от основного населенного пункта, к которому относится это дачное товарищество. Это хорошо, так как отсутствие лишних глаз сейчас на пользу.

Дрова не спеша сгорают в печи, их потрескивание успо-

каивает и расслабляет.

Лола отправилась за покупками, поэтому мне ничего не остаётся, кроме того, как ждать её и размышлять.

Микроавтобус с трупами мы загнали в лес. Вскоре его, конечно же, найдут. На своём хетчбеке мы всё-таки добрались досюда и спрятали машину в деревянный сарай. Конечно, нас вскоре могут вычислить, но на пару дней можно было и расслабиться.

Здесь мы временные гости, вскоре что-то кардинально нужно будет решать, но знаю я лишь одно – в Петербург мне ходу больше нет.

На меня объявили охоту абсолютно все, и на то есть весо-
мые основания.

За дверью что-то зашуршало, затем в замочной скважине начались щелчки, словно обратный отсчёт. Я снял пистолет с предохранителя и направил в сторону двери. Та скрипнула и приоткрылась. С тяжёлым дыханием и вся в снегу, Лола оттолкнула ее и ворвалась с зимней прохладой в дом. В ее руках два тяжёлых пакета.

Я подскакиваю. В ногу отразилась боль, но она ушла на второй план в отличие от руки.

– Подозрительное что-нибудь видела?

– Вроде бы нет. Но я ведь не тайный агент или что-то подобное, чтобы отслеживать такие моменты. Видишь, всё-таки привела к нам тех, кто хотел нас убить.

Я поднимаю один из пакетов и несю его на кухню. Она

следует за мной, взяв второй.

– А после проделанного тобой мне кажется, что ты одна из них.

Я не улыбаюсь, говоря это, и наши взгляды встречаются. В ее глазах я больше не вижу страха. Странно ли это? Насколько всё-таки женщины загадочные существа. Они умеют перевоплощаться именно в тех, кого мы хотим видеть. Мы, мужчины, настолько уверены в себе, что нас порой очень легко обвести вокруг пальца.

Немного продержавшись, я улыбаюсь. Она расслабляется в ответ.

– Ну и шутки у тебя! Хотя сейчас не время и не место. Что теперь будет? Что нам делать?

– Ну, нам – не знаю. Вместе нас очень быстро повяжут. Нам придется разойтись по сторонам, залечь на дно.

– А как же твой напарник? Как же его дети. Ты их знаешь? Знаю ли я их. Да, знаю. Я всегда немного завидовал Юре. Он успел обзавестись семьёй, а полноценности ко всему этому добавили вскоре появившиеся девочки. А сейчас мы с Юрой ошиблись, а отвечать приходится именно детям.

Лола включила газовую конфорку и поставила чайник.

– Да, мы очень хорошо общались семьями. Мы были дружны, но только до того, как всё это начало происходить. Я потерялся после тех детей и положил начало всему, что сейчас происходит.

– Чай или кофе?

– Кофе. Уже забыл, когда в последний раз пил его.

– Хорошо, – она улыбнулась такой улыбкой, которую я ещё у нее не видел. Интересно, это она поменялась на самом деле, или же я начал воспринимать ее иначе? Это было уже неважно.

Через минуту я чувствую аромат, по которому немного соскучился. Я даже на секунду вспомнил о сигарете, что в данный момент могла бы разбавить это прекрасное время в тишине и спокойствии.

– Ты ведь следователь. Ты должен иметь в голове какие-нибудь заметки и предположения! Ведь нужно как-то разбираться с этой ситуацией?

Я делаю глоток, вкус кофе немного необычный.

– Сейчас нам заказан путь в город. У меня есть предположения, но фактов нет никаких. Все это лишь теория, ничем не подкреплённая.

– Ну так колись, – она села напротив меня, держа в руках чашку горячего чая. Его пар словно преображал, окутывая ее лицо. Без косметики она даже лучше.

– Единственное предположение – это всё-таки кто-то из родителей или родственников погибших. Единственное, что мне не понять – это то, каким образом все новоиспечённые убийства происходили в помещениях, так или иначе связанные с нашим отделом. Откуда у родителей информация о том или другом человеке, так или иначе связанным с теми кровавыми событиями? То есть либо он, либо кто-то из его род-

ственников должен работать в нашем ведомстве.

Я делаю ещё пару глотков.

– В общем, из моих воспоминаний – все те родители, с кем мне приходилось общаться, были, можно сказать, из простых семей, но оставались ещё дети, что так и не были опознаны, и мы не знаем, кто были их родители.

Меня начало клонить в сон, видимо, сказывалась усталость. Лола начала немного двоиться в моих глазах.

– Что-то кофе не помогает, сон берёт своё.

– Так иди ложись скорее, я бы тоже отдохнула.

Я поднимаюсь и иду к дивану. Лола догнала меня, упёрлась в подмышку, и мы вместе поковыляли к дивану.

– Я думаю, что мы заслужили немного отдохнуть, – произнесла она.

Я ложусь на диван, Лола садится рядом.

– Думаю, что скоро так или иначе правда выйдет наружу. И, кстати, перед тем как мы отправились к тебе в квартиру, ты уходил из моей и пропал на несколько часов. Ты где был тогда?

Я задумался. Отвечать не было сил. Поэтому я попросту что-то пробормотал и провалился в глубокий сон...

Сон. Полноценный и беспробудный. О таком можно лишь мечтать. Я забыл, когда в последний раз так сладко спал, когда видел сны. Во сне очень хорошо, там всё воплощается в жизнь, все наши потаённые желания, все страхи вылезают наружу именно там. Сны заставляют нас волноваться, плакать или смеяться, и мы искренне желаем этого именно там. Интересно, похожа ли смерть на сон? Если да, то я не хочу больше просыпаться никогда.

Во рту пересохло, я попытался облизнуть губы, но и язык оказался слишком сухим. Голова немного кружится, будто бы я употребил немалое количество спиртного перед тем, как уснуть.

В голове начинает что-то проясняться, все жертвы перед смертью были чем-то, опоены, по-видимому, что-то было добавлено в их напитки, и те уже не могли сопротивляться.

Я начинаю смеяться. Капкан. Я угодил прямиком в его острые когти. Как глупая мышь, что подвержена лишь своим инстинктам и чувством голода, пришедшая прямиком в мышеловку.

Я пошевелил руками, они за спиной. Ноги так же обездвижены. Кисти немного отекли из-за того, что были туго перевязаны скотчем. Жертвы, у всех были следы гематом на кистях, по-видимому, из-за сильного натяжения. Да, вот та-

кого поворота я точно не ожидал.

В глазах всё было мутно, по-видимому, сказывалось так же последствие препарата. Я проморгался, не помогло. В помещении, где я находился, не было освещения, но через маленькое окошко пробивался голубой тусклый свет. Либо на небе была луна, либо свет исходил от фонаря уличного освещения.

Я прислушался, в ушах немного звенело, но я услышал, что за стенами сильный ветер.

Рука и нога изнывают, но это, видимо, ничто по сравнению с тем, что меня ждёт. Но и с этим я давно смирился, рано или поздно конец у нас всех всё равно один. Вечная темнота.

Произошёл щелчок, загорелся тусклый свет. Оказалось, что в комнате я не один. Силуэт сидел напротив, в кресле, слева лежали книги, выложенные в стопку. Знакомая всё же картина.

Я проморгался ещё раз, не сработало. Четких линий я не видел, но силуэт был до боли знаком. Я точно сошёл с ума, так как мне всё это лишь кажется. А может быть я всё ещё сплю. Ведь я так сладко спал, хоть и положение моё не из самых лучших.

– Ну как ты?

И голос, голос, который так ласкал мой слух уже настолько давно, но я всё ещё его до сих пор помнил.

Это сон, всё-таки это просто сон...

Часть седьмая

1

Вот она, истина. Та правда, которую мы все боимся признать, открыв однажды глаза. Она врзается к нам в мозг и испепеляет. То, о чем мы так хотим забыть, от чего бежим, рано или поздно догонит. Проблемы следует решать на начальной стадии, пока они всё ещё находятся в зародыше, но мы забываем об этом и не придаём особого значения, переносим всё на потом. А итог будет всегда один, он обрушится на вас тогда, когда вы его совершенно не ждёте. Правда вырвется наружу, и тогда лучший выход из ситуации будет лишь один. Смерть.

Я знаю, что шокирую его. Я сижу напротив, и он так жалок. Ему пришлось нелегко, и ко всему этому он пришел сам. Наконец, он осознал свою сущность, то, что он есть на самом деле. Всё началось очень давно, и просто так уйти от наказания не получится. Вы скажете, кто я, чтобы вершить правосудие? Уже никто. Мне пришлось исчезнуть навсегда из всего этого проклятого окружения, освободиться и стать личностью независимой. Да, я практически не отличаюсь от этих зверей, но мы живём в таком мире, где, прежде чем бороться со зверьём, ты и сам должен стать таким же. Бить по

ним тем же оружием, дабы они осознали, кто есть на самом деле. От судьбы не уйдёшь, система сгнила с головы до ног, и хоть кто-то должен попытаться изменить ситуацию, хотя бы начать, доказать, что всё возможно, и нет времени опускать руки.

Он прозрел и смеётся. Он понял, что попался, и скорее это нервный смех принятия реальности.

– Каким образом? Как тебе это удалось?

– Великий следователь удивлён, что его обвели вокруг пальца? Или ты всё-таки счастлив осознать, что не слетел с катушек?

– Ты изменила внешность? Почему ты спасла меня тогда у реки? Почему не дала уйти?

– Хм. Потому что ещё рано. И потому что я не желаю тебе смерти. Но не подумай, что я жалею тебя и прочее, нет. Ни в коем случае. Просто ты так легко не отделаешься и понесёшь другое наказание за все свои деяния.

Он поднял глаза и смотрит прямо на меня. Он потерян и постепенно осознаёт правду.

– Я же сам опознал тебя! И наш ребенок. Что с ним? Ты... Или кто там был, она тоже была в положении! Что происходит?..

– Тебе обо всём по порядку? Рассказывать слишком долго. Хотя... хотя время у нас ещё есть.

– Может, сигарету?

Я достаю пачку его любимых сигарет, достаю одну из них

и прикуриваю. Он отрицательно мотает головой.

– Я бросил.

– Ну вот. Я рада, что хоть как-то поспособствовала чему-то хорошему.

– Говори, что происходит? Не томи душу.

Я выдыхаю густой белый дым из лёгких.

– Душу. Смешно. А она у тебя есть? Не сгнила всё ещё окончательно? Или совесть замучила? Если бы я не исчезла тогда, то, возможно, ты и вовсе не начал задумываться о том, что произошло. Я помню то дело. Помню, каким ты был потерянным. Я помню, как ты понял, что всей вашей группе было необходимо что-то предпринимать. Ты нервничал и переживал. Я думала, что то дело повергло тебя в шок, что ты обеспокоен теми детьми. Я искренне переживала за тебя, пыталась достучаться, но ты закрылся. В поисках истины мне пришлось постараться изучить то дело, я втайне от тебя, через свои связи на работе потихоньку углублялась в то дело. Начала, так сказать, собственное расследование. Я искренне хотела помочь тебе, честно. Собирая информацию, я постепенно сопоставляла факты, ниточка за ниточкой сшивая между собой все пути пересечения участников тех событий. А ты хорошо умеешь хранить тайны, дорогой.

Я вновь выдохнула дым после очередной затяжки и видела, как у него глаза наливаются кровью.

– Я носила под сердцем наше дитя, и нервничать мне совершенно было нельзя. Ты разговаривал во сне тогда. Через

какое-то время я начала подливать тебе в напитки успокоительные средства, чтобы нормализовать твой сон, и ты спал очень крепко. Ну а я, я изучала информацию, что хранилась у тебя в кабинете у нас дома. Там я обнаруживала ещё больше фактов твоего причастия к этому синдикату. А тебя они неплохо кормили. Все твои счета до сих пор имеют неплохую финансовую подушку, не считая наличных. Я понимаю, что и я пользовалась каким-то образом этими деньгами, и меня если честно, то до сих пор тошнит от этого. Ты и Юра, вы... Вы ведь всё знали, курировали, скрывали информацию о пропаже детей, вы сопровождали сделки по продаже этих юных душ, сопровождали и попросту закрывали глаза, до тех пор, пока не опростоволосились. Один из ваших ублюдков показал всю сущность и погубил тех детей ради развлечения! Что же с вами, мужчины, происходит? Вы всё время ищите то, чем и с кем вам поразвлечься. Вы как дети, что не можете наиграться в игры, только периодически выходите за рамки дозволенного. Когда алкоголя и шлюх вам мало, вы принимаетесь за наркотики, изнасилования и убийства! Нет, я не спорю. И женщины способны на чернуху, и выход лишь один. Всех вас нужно истреблять, дабы дать дорогу тем, кто достоин жить и ходить по этой земле.

Он сидит на коленях, опустил голову и молчит. Осознание! Оно убивает его.

– Узнав правду, но всё ещё не до конца, а лишь в теории, я как будущая мать нашего ребёнка не могла допустить, что-

бы отец нашей дочери был зверем и соучастником детоубийства. Выхода было два – либо аборт, либо исчезновение. Но как исчезнуть, если твой муж сотрудник полиции с хорошими связями не только законными, но и другими. Назовем их темной стороной, – я улыбаюсь. – По своей деятельности, как ты помнишь, мне приходилось сотрудничать с разными людьми, многим я помогала, многим не могла помочь. Лола, под таким именем ты ее знаешь, была бывшим оперативником ГРУ. По мере ее деятельности у нее были обнаружены проблемы с психикой. Она находилась у меня на лечении, мы проводили с ней сеансы, и именно на них она попросила дать ей заключение о непригодности. Причина была в нагрузке, с которой она не могла справиться. Я сделала, как она меня просила. В благодарность она сказала, что я могу обратиться к ней за помощью в любой момент. Я и обратилась, и рассказала о том, что происходит. Она согласилась мне помочь. Через оперативную базу мы обнаружили некоторое количество проституток, которые подходили под мою внешность. Одна из них была беременна, срок, конечно же, отличался, но ты сам знаешь, что особо не вдавался в подробности, на каком я месяце и прочее. Лола утопила ее, а после мы вместе вывезли ее в Неву и бросили в акваторию Финского залива. Ты ведь помнишь, как я сказала тебе, что пойду прогуляюсь по набережной перед выходом.

– Да.

– Это хорошо. После я подошла к тому месту, где мы ча-

стеняко гуляли с тобой и любовались видами, и при свидетелях прыгнула в воду. Лола вывезла меня на катере. Был поздний вечер, и пока люди бежали к воде, меня и след простыл. Лицо и тело той женщины было обглодано рыбой, ведь тогда как раз нерестилась корюшка, а как мы все знаем, она любит поживиться мертвечинкой.

– Почему именно сейчас?

– Я ведь была в положении.

Он вновь поднял голову, в уголках его глаз появились слёзы.

– Нашей малышке полгода. Я понимаю, что я должна быть сейчас с ней, и вскоре так оно и будет, но сейчас есть дело поважнее.

– Что с тобой стало? В кого ты превратилась?

– Да это просто небольшая пластика, не более того. Мне ведь не нужно было, чтобы меня кто-либо узнал на улице после похорон. Даже ты не смог, после той нашей встречи на набережной. Кстати, каково чувствовать себя сумасшедшим?

Он помотал головой, не ответив.

– Мне так не хватало наших бесед. Вспомни, ведь пока ты не замкнулся в себе, мы были отличными собеседниками. Мне было приятно эти несколько дней провести вместе с тобой вновь. Конечно, жаль немного, что ты так быстро переключился на проститутку после моего ухода. – Я рассмеялась. – Вы, мужчины, слабы, я ведь говорю, что вы как де-

ти, вам нужно тепло, что бы вас кто-то выслушал, и в то же самое время вы хотите, чтобы тот, кто вас слушал, ещё мог принять ваше мужское начало в себя. Вы слабы и ведётесь на конфетку.

Я беру одну из книг в руки и перелистываю.

– Помнишь, как мы читали друг другу? Мне так это нравилось. Мы ведь были идеальной парой.

– Зачем ты убиваешь тех людей? Этим не вернуть остальных.

– Вот именно. Тех не вернуть и этих не вернуть. Я помню, как к нам приходили отцы и матери погибших. Искали тебя, дабы ты нашёл виновных. Ну ты и нашёл, только не тех. И их тоже не стало. Дело закрыли, но дети пропадают до сих пор, а такие, как ты, закрывают глаза и дела. А ваши чиновники, высокопоставленные деятели, что борются против геев, лесбиянок, сами попросту педофилы. Их следует всех прилюдно повесить на Манежной площади, чтобы другим неповадно было. А пока что они должны почувствовать всю ту боль, что чувствовали те отцы и матери.

– Есть же другое решение вопроса! Так нельзя! Давай поможем друг другу!

– О, нет. Спасибо. Цепь событий уже запущена, и ты одно из звеньев, скорее, замыкающее.

– Ты не знаешь, с кем ты пытаешься бороться. Я ведь влез во всё это не специально. Мне дали выбор. Либо я делаю это, либо погибают все мои родные!

– Лучше достойная смерть, чем жизнь в аду...

2

Насколько мы знаем тех, кто нас окружает? Насколько можем довериться им? Оглянитесь и сопоставьте всю вашу жизнь с этими людьми. Если вы спокойны и можете спать, находясь рядом с ними, значит, вы с тем, с кем нужно. А если нет, то бегите и как можно скорее.

Я прозрел. Всё, что она говорит, есть правда. Честно признаюсь, это тяжело. Я и вправду не отличаюсь от всех тех, кто заключил сделку с дьяволом. Я один из них и сейчас становлюсь всё ближе к адскому пламени. Я уже чувствую его жар, и искупления мне не видать, но в принципе я на него и не рассчитывал.

Я внимательно слушаю ее и, если честно, нахожусь в шоке. Это каким нужно обладать изощрённым умом, чтобы разработать такой план и начать воплощать его в жизнь. Сколько людей способны на это? Я не скрою, удивлён и восхищён одновременно.

– Какое имя ты ей дала?

– Карина.

– Хм. Прекрасное имя. И что же будет с ней?

– Сейчас она в хороших руках и надеюсь, что в дальнейшем всё так и будет. Мы с тобой изначально были не готовы стать настоящими родителями. Видишь ли, зло порождает другое зло, тем самым нужно спасти нашу малышку. Дать

возможность ей не знать, в кого превратились ее родители.

Я теряюсь. Может, она и права, может, так оно и лучше.

– Что насчёт девочек Юры?

– Я не причиню им вреда, но пока их исчезновение – необходимость. Пусть и он понервничает и подумает над своей жизнью.

– Ты ведь понимаешь, что твоя затея приведёт лишь в тупик! Отсюда не будет выхода, и у тебя не получится уничтожить всё то, во что превратилась подпольная жизнь этого и других городов. Это общемировая практика. Люди уже давно сошли с ума, они потеряли души и тем, что ты отнимаешь жизни их детей, ничего не изменить. Это бег на месте. И тебе не жалко тех ребят. Ведь они-то тут не причём.

– Ты знаешь, на генном уровне между детьми и их родителями всё равно присутствует схожесть. И это касается, естественно, не только внешних черт, но и поведенческих. И в них я это заметила. Конечно, многим из них не хватало родительского тепла, оно и понятно, их родители заняты своими делами, и у них попросту нет времени. Так я их и заманивала. Конечно, некоторыми из них управляла похоть, а некоторым нужно было просто выговориться о насущных проблемах. Мы, люди, вместо того чтобы уметь слушать своих детей, выбираем издеваться над другими. Всему этому нужно положить конец.

– Как ты планируешь это сделать?

Она улыбается. Именно в этой улыбке я и узнаю её. Как

же ей удалось повернуть такое, как же ей удалось заставить меня поверить в то, что я слетел с катушек.

– Ты и есть приманка. Все дети твоих предводителей уже погибли. Пока ты был в бегах, были обнаружены ещё несколько тел, и эти люди объявили на тебя охоту, не считая ещё и всей полиции города.

Отличные новости.

– От тебя требуется сейчас лишь одно. Тот счет, что ты имеешь в Швейцарии, его нужно освободить. Только не подумай, мне не нужны твои деньги. Я просто хочу, чтобы ты перевел на уже открытый счёт всю сумму. Счёт принадлежит Карине, и при достижении восемнадцати лет она сможет начать самостоятельную жизнь, и у нее будут средства на существование.

Я не удивлён. В ее словах есть логика, но как можно поверить человеку, который попросту облапошил тебя, да очень просто. Что мне терять? Я в любом случае не жилец, а у нашей дочери будут средства, мне они всё равно ни к чему.

– Я согласен. Только я хочу взглянуть на нее.

– Вот и отлично.

Она поднялась с кресла и достав с кармана карточку, поднесла ее к моему лицу.

Просто красавица. Маленькая куколка из моих снов. Я часто видел ее во сне, как она лежит на моей груди и сладко кряхтит. Всё-таки в глубине души я всегда чувствовал и понимал, что она где-то рядом, что ее душа идёт в ногу с моей.

Моя доченька, моя родная.

– Ты стал слишком сентиментальным. Не помню, чтобы раньше был хоть намёк на слезы в твоих глазах. Жаль, что ты не подумал об этом ранее, когда дело касалось всех детей, которые были забраны от своих родителей.

Я начинаю орать.

– Да я никогда не гордился этим! Я никогда не хотел этим заниматься! Мне дали выбор! Я ещё раз повторяю! И я думал, что они не сдержали обещание и поспособствовали твоему убийству! И я ничего не мог поделать, абсолютно ничего!

– Звучит убедительно, но я не верю тебе.

В дверь постучали.

– Да, да.

В помещении появилась Лола или как ее там. И как они были способны повернуть такое вместе. Сыграть роль шлюхи, да ещё и так убедительно, подкатить ко мне, воспользовавшись моим отчаянием, завладеть моей душой и наполнить ее надеждой на то, что есть люди, которым не всё равно. Но и здесь я промахнулся. Меня лишь использовали во всех смыслах этого слова.

Она держит в руках ноутбук и садится на табуретку. Ее внешность вновь изменилась. На голове не осталось длинных волос, вместо этого ёжик, подходящий на более мужскую стрижку. Даже одежда изменилась. Короткая куртка-пилотка, джинсы и ботинки с круглыми носами говорили

о том, что передо мной настоящий боец.

– Продиктуй нам, пожалуйста, логин и пароль.

Я назвал всё, что они просили, терять ведь всё равно нечего.

– И что дальше?

– Что дальше, а дальше тебе остаётся только ждать.

Татьяна подошла ко мне и поцеловала в лоб. После чего они обе покинули помещение, и ко мне подступил холод...

3

Свободны ли мы? Вряд ли. С самого детства нам диктуют стандартные правила, по которым следует жить. Кто всё это придумал? Кто создал систему, которой мы все подчиняемся? Ответ есть. Это мы сами. Жить по системе проще, так как всех нас можно контролировать. Законы и правила, страх и неспособность принятия собственного решения, ограничения – это тотальный контроль. Под всё это нужно подстраиваться и принимать как должное. Готов ли я дальше подчиняться этому? Однозначного ответа я дать не могу, так как вокруг сплошная ложь.

Что мне делать? Моё положение не из лучших. Я сижу, связанный скотчем, и жду своего приговора. Зачем они тянут резину. Разве я не достоин петли на шее? Чем я лучше других? А всё просто. Она хочет, чтобы я продолжал жить, зная, что где-то у меня растёт дочь, что где-то она так же продолжает жить, несмотря ни на что, забрав у меня всё то, о чем я так яро мечтал. Она просто измывается надо мной. Да, я конкретно разозлил её. Это же надо – разработать столь тонкий и злостный план мести, но она забывает о самом главном. Ведь я уже похоронил её не только в земле, но и в своём сердце.

Хотя нужно отдать ей должное, она решилась на то, на что так и не смог решиться я. Постараться избавиться от систе-

мы и безнаказанного, властного извращенного произвола. Я покрывал тех, кто годами извращал эту систему, прикрываясь законами. Они попросту забирают наших детей и продают их в рабство, а путей для реализации этих проектов масса. Начиная от простых исчезновений и продажи их на черном рынке, заканчивая совсем легальным изъятием их при помощи органов опеки. Они хорошо устроились и, возможно, она права, зверей можно одолеть, лишь самому став зверем. Но тот зверь слишком крупный.

Тишина изматывает. В городе, как ни крути, постоянно присутствуют какие-то звуки. Здесь же напротив. Абсолютно никакого движения, кроме воющего ветра за стеной. Чего я жду? Может, попытаться выбраться? И что дальше? Куда идти? К кому податься? У меня было всё, но я всё потерял. У меня есть дочь. Обычно нормальные отцы выбирают в таких ситуациях жизнь ради детей, но достоин ли я того, чтобы она знала меня?

Мы все погрязли по шею в этом болоте. Какой мир мы преподнесем следующему поколению, если не сможем очистить его. Смысла ждать нету, поэтому нужно действовать.

Пальцами левой руки я срываю бинт с правой. Отсутствие пальцев пойдёт на пользу в том, что я сейчас сделаю. Ногтями я разрываю чуть заросшую плоть. Чувствую, как начинает бежать теплая кровь. Приподнимают так, чтобы она начала стекать по кистям, смазывая кожу между клейким скотчем. Начинаю двигать руками вверх и вниз. Растягивая скотч и

смазывая поверхность.

Несмотря на адскую боль, мне удаётся высвободить правую руку. Я переносу руки из-за спины перед собой и сквозь слабое свечение вижу, как мои руки окутаны чем-то темным. Пальцами левой руки я растягиваю скотч на ногах. Нужно действовать очень аккуратно и тихо. Ведь если они услышат, то с лёгкостью смогут обезвредить меня.

Через пару минут мои ноги так же свободны. Рука горит адским пламенем. Я нахожу наощупь остатки бинта и прикладываю к ране, после чего оглядываюсь. Сразу встать не получится, по ногам побежали колики, нужно немного времени, чтобы кровоток восстановился.

Когда я почувствовал все свои конечности, то не спеша поднялся на ноги. Сделав пару шагов, я выглянул в небольшое окошко, свечение шло от одинокого уличного фонаря. Вокруг метель завалила всю поверхность земли, накрыв ее словно белым бархатным одеялом. Красота!

Я подхожу к двери и прислушиваюсь. Тишина. После, побродив по помещению, наощупь нахожу металлическую трубу и подхожу к двери, притаившись за углом.

– Здесь есть кто-нибудь? – я кричу, но ответом является тишина. Видимо, их здесь уже нет.

Ничего не остаётся, кроме того, чтобы постараться выломать дверь.

Это мне удалось сделать быстро. Петли давно уже были не первой свежести, поэтому сорвались с необычайной лёгко-

стью, забрав вместе с собой и гвозди. Включив свет, я убедился в том, что в доме никого нет.

Смылись, значит. Я брожу по кухне и нахожу в холодильнике что-то съестное. Наедаюсь вдоволь. Во время еды я расматриваю свою руку. Зрелище вызывает рвотный рефлекс, но я сдерживаюсь. После нахожу антисептик и бинт. Обрабатываю руку.

Оглядевшись, я нахожу теплую фуфайку и шапку. Мои ботинки так же оказались на месте. Одеваюсь и выхожу в метель. Конечно, навряд ли я найду автомобиль в том сарае, где мы его оставили, но проверить это стоит.

Я выхожу на улицу. Снег обжигает мне лицо и глаза, несмотря на это, я пробираюсь к сараю и, открыв дверь, улыбаюсь от счастья и удивления.

Видимо, они уехали на другой машине, так как этот уже засвечен. Ну и отлично. Главное, чтобы были ключи в замке зажигания.

Открыв дверь, нахожу их именно там. После завожу и вуаля! Правда, я ездил за рулём в последний раз лет пятнадцать назад, но это ведь как на велосипеде? Не правда ли?

Я сдаю задом, после автомобиль с пробуксовкой кое-как разворачивается, и я выезжаю. В моей голове вызревает план. А что, теперь мне точно нечего терять. Мой путь предрешен, и я двигаюсь вновь в сторону этого проклятого города...

4

Как изменить мир? Как сделать так, чтобы люди задумались и изменили своё мировоззрение? Как заставить их оглядеться и попытаться сделать мир чуточку лучше? Скорее всего, это уже невозможно. Мы все опьянены любовью лишь к самим себе. Мы слепы и не хотим прозреть, так как нам и так хорошо. Только вот рано или поздно нам всем становится тяжело, и кто протянет нам руку? Найдутся ли те, кто поистине искренне поможет и спасёт наши души? Слишком много вопросов без ответа.

Я слышу гудки на другом конце линии. Каждая секунда ожидания заставляет моё сердце биться всё сильнее.

– Да.

Я не отвечаю, собираясь с мыслями.

– Да. Алло.

– Юра.

Я слышу, как он выдыхает.

– Какого чёрта? Ты где? Где мои дочери?

– Я не трогал их. Нас раскрыли с тобой и мстят.

– О чём ты, черт возьми, говоришь?

– Татьяна жива. Она инсценировала свою смерть и сейчас мстит. Она всё узнала обо всех наших с тобой похождениях.

Он тяжело вздыхает вновь. Я знаю, что он сейчас ответит.

– Ты о чем вообще говоришь? Ты не в себе. Твоя жена по-

гибла! Ее нет. А тебе следовало бы обратиться к психиатру! Ты вообще понимаешь, что тебя ждёт? Со мной связались. Ты не только подстрелил меня, ты ещё и положил ребят, которых трогать и вовсе не стоило.

– Я не стрелял в тебя, и твоих дочерей я не трогал!

– Так, Сёма. Давай договоримся. Я помогу тебе, только скажи, где ты, и я приеду.

Я подношу трубку ко лбу и стучу ей по нему.

– Я тебе повторяю, что я не трогал их, – перехожу на повышенный тон.

– На местах преступлений повсюду твои отпечатки. Ты стрелял в офицеров полиции, на стволе, что нашли после того, как ты подстрелил меня, тоже твои пальчики. Тебе нужна помощь! Психиатр говорит, что скорее всего тебя преследуют фантомные видения, и всё это по причине сильнейшего стресса. Скажи, где ты, и я приеду. Приеду один. Дай мне шанс помочь тебе. Ведь мы друзья, мы с самого начала вместе.

Я потерял, он не верит мне.

– На том полигоне ты тоже был один, на ноже твои отпечатки, только твои! Тебе нужна помощь... Так где ты?

– Я думаю, что ты уже это знаешь. Через полчаса буду на заброшенном заводе на Ваське. Приходи один, иначе ты меня больше не увидишь.

Я кладу трубку. В голове всё перемешалось. Татьяна, те останки, Лола. Всё это превратилось в какую-то мешанину.

Я совершенно запутался. После в голове мелькнули образы тех, кто был повешен. Я словно сидел каждый раз на тех креслах и управлял электрической лебедкой. Что со мной происходит. Татьяна. Нет, она жива. Моя дочь, она показывала мне ее фото. Карина...

Я выхожу из кафе и отправляюсь в сторону заброшенного кирпичного завода. В моей голове возникают образы, они вспышками приходят и уходят. То улыбка и смех Татьяны, то лица тех подвешенных молодых людей, что открывают глаза и говорят что-то. После Лола и ее ловкое управление ножом. Затем я смотрю на свою руку и вижу тот самый нож, что тут же исчезает.

Зайдя на территорию завода, я падаю на колени и хватаюсь за голову. Мне кажется, что она вот-вот взорвется. Что со мной происходит?

Лёжа на холодных разломанный кирпичах, я закрываю глаза...

Вот и всё. Это моя последняя глава. Я заканчиваю свою прежнюю жизнь, дабы начать новую. Я иду на погибель и хочу, чтобы в конце моего пути я очистил душу от всего, что я творил ранее. Очищение – это залог того, что даже горя в адском пламени, я буду улыбаться. Жизнь на самом деле проста, а все сложности в ней мы создаём себе сами. Залог счастливой жизни – жить в доброте и с чистой душой. Не подвергать себя ситуациям, в которых требуется обманывать своих близких и любимых, иначе их всех можно потерять в один миг. Я прожил эту жизнь именно так, обманывая и предавая в первую очередь именно себя. Я устал от бессонных ночей, я устал от мыслей, что не дают мне уснуть. Я хочу свободы, и она вот-вот настигнет меня.

Я сижу посреди полуразрушенного завода. Слышу приближающиеся шаги, под которыми хрустит старый кирпич. Он и ещё дюжина других людей вот-вот приблизятся, с учётом того, что мы договаривались о встрече тет-а-тет. Но я, конечно же, на это и не рассчитывал.

Вот я вижу знакомый силуэт, он подходит всё ближе. Его рука висит, согнутая в локте у груди.

– Стой. Ближе не подходи.

Он останавливается.

– Вот он я. Приехал, как и договаривались. Теперь всё за-

кончится, и тебе помогут.

– Почему ты приехал не один? Мы ведь договаривались.

– Семён. Они слушают мой телефон, поэтому по-другому и быть не могло.

– Они все здесь?

– Да. Они приехали лично, чтобы поговорить с тобой и увидеть как ты умрёшь. Прости. Я ничего не мог поделать.

– Всё нормально. Не переживай.

– Семён, я только прошу, скажи, где мои девочки?

– Они вскоре будут дома. Не переживай. Когда всё закончится, они останутся со своей матерью. Даю слово.

– Но зачем ты их...

– Так было нужно.

По всему периметру начали появляться темные силуэты. Вооружённая охрана уже взяла меня на мушку. Поэтому убежать шансов не будет.

Я не разу лично не виделся с главарями всей этой индустрии, но мне приятно осознавать, что они лично решили познакомиться со мной.

– Юрий. Вы можете обождать немного. У нас есть разговор к этому мужчине.

Юра попятился назад, а мне в лицо ударил яркий свет прожектора. Я, естественно, ослеп и не заметил, как позади из-за спины мне кто-то накинул петлю на шею. Петля сдавила, но пока с возможностью дышать. Я автоматически схватился за плотную верёвку.

– Ты подвёл нас и забрал самое дорогое, что у нас есть. Кем ты себя возомнил?

Я слышу голос, но не представляю, кто говорит.

– Насколько ты жестокий человек. Тебе что, мало платили? Или тебя съела совесть за свои прегрешения? Какое ты имел право лишать нас наших детей? Кем ты себя возомнил?

Я ухмыляюсь.

– Тот же вопрос хотел бы задать и вам. Вы лишаете родителей детей тысячами. Торгуете ими и продаете в рабство насильникам и педофилам! Вы открываете клубы, где такие же, как и вы, приходят и издеваются над нашими детьми!

Моё горло резко сжимается, я начинаю хрипеть.

– Чччем ввавши детьми оооттлл.. ооттличаются отттнннашших...

Петля резко разжимается.

– Ты и тебе подобные в самом низу пищевой цепочки. Вы лишь пушечное мясо, имеющее право жить, только пока мы хотим. Мы те, кто правит и управляет вами. Мы и есть высшая раса.

Я снова смеюсь.

– Вы все будете гореть в аду так же, как и такие, как я. Рано или поздно мы все там встретимся и тогда поговорим.

Я слышу щелчок пальцев, и петля затягивается всё сильнее. Я чувствую, как начинаю задыхаться. Что ж поделаешь? Как говорила моя бабушка. Баш на баш. Я совершенно справедливо заслужил это. Я вот-вот отключусь, и наступит ко-

нец, то, чего я так давно ждал. Очищение...

Неожиданно я слышу голос, громкий, словно глас Божий. Он что-то кричит. Затем раздаются выстрелы и звуки сирен. Петля ослабевает, и я падаю со стула на холодную землю, усыпанную кирпичом.

На моем лице всё таже улыбка. Очищение, я сделал это...

Эпилог

Я открываю глаза. Яркий белый свет ослепляет меня. Неужели я не в аду. Нет. И раем это тоже не назвать. Я нахожусь в психиатрической больнице специализированного типа с интенсивным наблюдением. А точнее, в психтюрьме. Да, меня поместили сюда после моего рассказа, в который абсолютно никто не поверил, а точнее, пройдя кое-какие тесты, меня признали психически больным и направили сюда. В общей сложности мне совершенно обосновано впаяли пожизненный срок, поэтому когда меня подлечат и проведут повторную комиссию о моей вменяемости то я отправлюсь в далёкие северные дали, где проведу в тюрьме особого назначения остаток своей жизни. Правда есть и второй вариант, что меня вновь признают невменяемым и оставят здесь, в этой клинике закрытого типа навсегда. Только вот я не решил, какой из этих вариантов лучший.

Расстраиваюсь ли я? Нет, совершенно нет. У меня теперь есть время подумать, собраться с мыслями и понять, кто я на самом деле. Мне теперь не нужно торопиться, тем более что есть люди, которые мне безусловно поверили. Перед тем как позвонить Юре, я связался с Леонидом Вячеславовичем, своим начальником. Он всегда казался мне хорошим или скорее правильным полицейским старой закалки. Я обосновал ему всю ситуацию и сказал, что могу помочь раскрыть

всю схему, и что Юра так же этому поспособствует. После той стычки на старом заводе кого-то убили, а кого-то взяли с поличным. А что бы выбрал я? Сейчас я затрудняюсь ответить на этот вопрос, но тогда я желал уснуть навсегда.

В тот день, когда я обнаружил в комнате все улики, подготовленные для реализации плана по раскрытию всей группировки, включающей в себя и лиц, власть имеющих, я не смог всё сжечь и спрятал основные доказательства в полу рядом с грязными деньгами.

Юра дал показания, кстати, дочери вернулись к нему домой, как я и обещал, я ведь знал, что им не причинят боль. Только вот своего отца они смогут видеть только изредка в ближайшие пятнадцать лет. Но это ничего, главное, что и он сможет очиститься от всего этого и когда-нибудь начать новую жизнь.

Так же благодаря предоставленной информации были раскрыты все бордели, все сотрудники которых так же были арестованы, в доках на побережье Финского залива были освобождены несколько сотен детей, что ждали отплыта в контейнерах в другие страны, и возвращены домой. Судя по новостям, о которых мне иногда сообщает Валентин, которого повысили в звании за раскрытие особо тяжких преступлений. Он единственный периодически приходит и навещает меня, рассказывая об обстоятельствах дела.

Меня же обвинили в многочисленных убийствах и прочих прегрешениях, всё моё сотрудничество со следствием

результатов не принесло. Все улики совершенно точно указывали лишь на меня, а я... А я, если честно, настолько во всем запутался, что и не понимаю совершенно, что правда, а что лишь вымысел. Даже проверив мой счёт, выяснили, что деньги переведены на пожертвования детям в детских домах. Я знаю одно, что сейчас мне хорошо. Я никуда не тороплюсь и совершенно спокойно общаюсь с самым лучшим своим собеседником. С самим собой.

А всё, что касается Татьяны или Лолы – никто и никогда не видел их и в помине. Многие были на похоронах моей жены, и все как один утверждают, что это она лежала в том гробу и никто иной.

Кстати, в том доме, из которого я бежал, так же не было обнаружено их присутствия. Только лишь моя ДНК и ещё кое-что. В одной из кладовок нашли ту самую электрическую лебедку. Вот как бывает. Иногда, смотря в зеркало, мы думаем, что совершенно точно знаем, кто стоит напротив, а на практике оказывается, что нет. Живите в согласии с самим собой! Вот залог здравого смысла.

Дверь скрипнула.

– Так. Укол. Поворачивайтесь на живот.

Я переворачиваюсь и приспускаю белые хлопковые штаны.

Я слышу, как медсестра набирает шприц, и жду этого пронзительного укуса.

Все проходит гладко. Оборачиваясь, не верю своим гла-

зам. Вот она, снова она, я сошёл с ума или всё это взаправду?

Она подносит указательный палец к губам. И вправду профессионалка.

– Ты справился со своей задачей! Она знала, что ты поступишь правильно!

– Спасибо, что вернули дочерей Юре.

– Иначе и не могло быть.

В коридоре слышались голоса, и Лола обернулась, притаившись.

– Как они и где?

– Всё хорошо. Ты знаешь, где они. Они тебя ждут, и вскоре вы воссоединитесь, а пока что засыпай...

Я улыбаюсь, и в моих глазах начинает мутнеть, а её образ постепенно исчезает.

– Мои девочки, вскоре мы увидимся... – шепчу я, и тут же меня окутывает непроглядная тьма...